

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. И. Бойцов

ВЫДАЧА ПРЕСТУПНИКОВ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Александр Бойцов

Выдача преступников

«Юридический центр»

2004

Бойцов А. И.

Выдача преступников / А. И. Бойцов — «Юридический центр», 2004 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

Настоящая работа представляет собой фундаментальное исследование теоретических и практических аспектов выдачи преступников (экстрадиции). На основе обобщения доктринальных концепций и анализа международно-правовой практики раскрываются правовая природа и механизм экстрадиционного регулирования. Автором предложена исчерпывающая классификация видов выдачи, подробно рассмотрены международные и внутригосударственные источники экстрадиционного права, основания выдачи и отказа в таковой. Особое внимание уделено вопросам выдачи в российском законодательстве. Автором раскрыты межотраслевые связи института экстрадиции в отечественном праве, даны рекомендации по применению экстрадиционных норм. Будучи комплексным исследованием, книга заинтересует как теоретиков – ученых, преподавателей юридических вузов и факультетов, так и практиков – работников правоохранительных органов, прокуроров, судей, адвокатов. Работа будет полезной и студентам, аспирантам, а также всем тем, кто интересуется международным уголовным правом.

© Бойцов А. И., 2004

© Юридический центр, 2004

Содержание

Глава I	6
§ 1. К истории экстрадиции	6
а) 1-й период (древнее время – XVII в.)	6
б) 2-й период (XVIII в. – первая половина XIX в.)	10
в) 3-й период (1840–1943 гг.)	11
г) 4-й период (с 1943 г.)	13
д) Россия в зеркале мировой истории экстрадиции	14
§ 2. Внутригосударственная регламентация экстрадиции	19
а) Конституции	20
б) Уголовные кодексы	22
в) Экстрадиционные законы	23
г) Ведомственные нормативные акты	25
§ 3. Международно-правовое регулирование выдачи преступников	30
а) Двусторонние договоры о выдаче	31
б) Многосторонние экстрадиционные соглашения	34
в) Договоры о правовой помощи	36
г) Договоры о борьбе с преступлениями международного характера	37
д) Договоры о борьбе с международными преступлениями	42
е) Межправительственные и межведомственные соглашения	50
§ 4. Юридическая сила и пределы действия экстрадиционных соглашений	56
а) Действие во времени	57
б) Соотношение с параллельно действующими соглашениями	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Александр Ильич Бойцов

Выдача преступников

Памяти Николая Александровича Беляева

ASSOCIATION YURIDICHESKY CENTER

Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure

A. I. Boitsov

EXTRADITION OF CRIMINALS

Saint Petersburg

R. Aslanov Publishing House “Yuridichesky Center Press”

2004

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Р. М. Асланов (отв. ред.), А. И. Бойцов (отв. ред.), Н. И. Мацнев (отв. ред.), Б. В. Волженкин, Ю. Н. Волков, Ю. В. Голик, И. Э. Звечаровский, В. С. Комиссаров, В. П. Коняхин, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, С. Ф. Милюков, М. Г. Миненок, А. Н. Попов, М. Н. Становский, А. П. Стуканов, А. Н. Тарбагаев, А. В. Федоров, А. А. Эксархопуло

Editorial Board of the Series “Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure”

R. M. Aslanov (managing editor), A. I. Boitsov (managing editor), N. I. Matsnev (managing editor), B. V. Volzhenkin, Yu. N. Volkov, Yu. V. Golik, I. E. Zvecharovsky, V. S. Komissarov, V. P. Konyakhin, A. I. Korobeev, L. L. Kruglikov, S. F. Milyukov, M. G. Minenok, A. N. Popov, M. N. Stanovsky, A. P. Stukanov, A. N. Tarbagaev, A. V. Fedorov, A. A. Eksarkhopoulo

© A. I. Boitsov, 2004

© R. Aslanov Publishing House Yuridichesky Center Press”, 2004

Глава I

Правовая регламентация экстрадиции: история и современность

§ 1. К истории экстрадиции

История экстрадиции восходит к глубокой древности, когда еще не было ни стройной системы норм международного права, ни развернутого учения о нем, но уже возникли первые признаки формальной дипломатии. По мнению Ф. Ф. Мартенса, в ней можно выделить три периода:

1) с древних времен до конца XVII в., когда выдача, будучи пока редким явлением, в основном имела место в отношении политических противников, а также в отношении еретиков и перебежчиков;

2) с начала XVIII до конца 40-х годов XIX в., в течение которого растет число заключаемых договоров не только в отношении бунтовщиков и перебежчиков (особенно дезертиров и беглых военных), но также и лиц, виновных в обычных преступлениях, хотя первые все еще преобладают, а последние пока составляют исключение в силу своей немногочисленности;

3) новое время, начавшееся в 1840 г., когда государства начали согласованную кампанию в отношении беглых преступников, совершивших деяния, не имеющие политических целей и наказуемые по общеуголовным законам.¹

К указанным периодам известный американский ученый Шериф Бассиони добавил еще один, датируемый с 1948 г., когда на первый план вышла необходимость построения системы международной безопасности и предупреждения преступлений против мира и безопасности человечества.²

а) 1-й период (древнее время – XVII в.)

Что касается первого периода, то несмотря на высказанное некогда мнение о том, что в древнем мире не существовало выдачи, так как не существовало международно-правовых отношений между различными государствами,³ большинство исследователей все же находят факты выдачи имевшими место и в то время.

Свидетельством существования такой практики является, в частности, договор египетского фараона Рамсеса II с царем хеттов Хеттушилем III, заключенный в 1296 г. (1278) до н. э. В нем говорилось, что «если кто-либо убежит из Египта и уйдет в страну хеттов, то царь хеттов не будет его задерживать, но вернет в страну Рамсеса».⁴ При этом заслуживает внимания положение об обеспечении безопасности возвращаемых лиц, ибо «да не повредят их глаз, уст и ног».

Известны древней истории и конкретные факты выдачи. Из истории Греции приводят пример того, как афиняне согласились выдать македонскому

---

¹ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. II. СПб., 1883. С. 383–393.

² Bassiouni Cherif M. International extradition and world public order. N. Y., 1974. P. 4.

³ Симеон Э. О. О невыдаче собственных подданных: международно-правовое исследование. СПб., 1892. С. 40.

⁴ Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. I. М., 1935. С. 306–307.

царю Филиппу всех лиц, посягнувших на его жизнь, а ахейцы угрожали Спарте нарушением союза, если не будут выданы ее граждане, совершившие нападение на одну из деревень. В истории Рима ссылаются на галлов, требовавших выдачи напавшего на них Фабия, и на аналогичное требование римлян в отношении Аннибала, а также на Катона, который требовал выдачи Цезаря германцам за то, что тот начал с ними несправедливую войну.⁵

Конечно, столь немногочисленные договоренности о выдаче эпохи рабовладения «служат иллюстрацией неразвитости межгосударственных отношений этого периода развития человеческого общества, но на их основании все же можно сделать вывод о существовании практики выдачи преступников».⁶

Вместе с тем не менее важно отметить преимущественно политический характер выдачи в приведенных примерах. По мнению Ф. Ф. Мартенса, они доказывают, что требования выдачи в этот исторический период «вызывались случайными политическими обстоятельствами. Обыкновенно они предъявлялись со стороны сильнейшего слабому государству, а отказ служил предлогом к войне. Настаивали на выдаче даже не политических преступников, но в большинстве случаев политических врагов, от которых выгодно было избавиться».⁷ В силу этого не существовало в древности ни договоров о выдаче, ни определенных правил и форм, к ней применяемых.

Так, израильтяне требовали выдачи жителей города Гиза, которые после изнасилования и убийства женщины в Израилевом колене укрылись в пределах Вениаминова колена. Отказ выдать и наказать виновных привел к войне и поражению Вениаминова колена.⁸ Точно так же лакедемоняне объявили войну Мессинам за отказ выдать убийцу, а Лукул – Тиграну за его отказ выдать Митридата.

Таким образом, в условиях, когда возникающие между государствами разногласия часто разрешались посредством военных действий, основным регулятором экстрадиционных отношений также являлось право сильного, которое в IV веке до н. э. весьма емко сформулировал древнеиндийский философ Каутилья: «Кто слабее другого, тот должен заключить с ним мир (читай – удовлетворить требование о выдаче. – А. Б.), кто сильнее, тот должен вести войну»⁹.

Если же невозможно было добиться выдачи силой оружия, в ход шли сила злата и искусство дипломатии. Так, в 144 г. до рождения Христа иудейский первосвященник Симон отправил послов, которые одарили Рим золотым щитом и договорились о выдаче беглых иудеев.¹⁰ Так или иначе, но о равно-правии договаривающихся субъектов, а тем более – об учете интересов третьих сторон в их взаимных отношениях пока еще говорить не приходится.

В средние века изменения в институте выдачи были прежде всего продиктованы изменениями в институте убежища, когда местами, выдача из которых была недопустима, стали определенные священные места (храмы, монастыри и т. д.). Еще одним препятствием для экстрадиции лиц, совершивших уголовные преступления, служил обычай закрепощения всех иностранцев, прибывших в страну без разрешения или пробывших в ней больше года, быто-

---

⁵ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. II. СПб., 1883. С. 384; Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. СПб., 1884. С. 48; Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Вып. 1. СПб., 1887. С. 309; Грабарь В. Э. Римское право в истории международных правовых учений. Юрьев, 1901.

⁶ Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М., 1972. С. 116.

⁷ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. II. С. 384.

⁸ Книга судей. Гл. XV. Ст. 9; Гл. XX. Ст. 13.

⁹ Цит. по: Волженкина В. М. Выдача в российском уголовном процессе. М., 2002. С. 8.

¹⁰ Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. СПб., 1884. С. 45.

вавший в феодальных государствах Западной Европы.¹¹ Поэтому на практике экстрадиция по-прежнему оставалась формой расправы с политическими противниками, а не с преступниками.

Одним из наиболее ранних средневековых договоров, по которому договаривающиеся стороны обязались выдавать друг другу политических преступников, является трактат, заключенный в 1174 г. между английским королем Генрихом II и шотландским королем Вильгельмом.¹² Последующие западноевропейские соглашения подобного характера также касались главным образом бунтовщиков и обоюдных врагов.¹³ К числу таковых относились и те, кого, выражаясь современным языком, можно было бы назвать «инакомыслящими» (т. е. политические преступники, индивидуальное преследование которых было продиктовано преимущественно личными интересами физического устранения претендентов на престол, конкурентов в борьбе за власть) и «инаковерующими» (колдуны, еретики и прочие лица, массовое преследование которых было порождено столкновениями и борьбой различных религиозных течений).

Примерами тому могут служить следующие факты. В 1136 г. французский король Филипп Валуа ввел в действие указ, объявив которым врагом государства сбежавшего в Англию графа Д'Артуа, виновного в оскорблении Его Величества, запретил подданным оказывать графу поддержку и предоставлять убежище, а также предписал задержать его при обнаружении и выдать королю для предания суду. Однако английский король Эдуард II отклонил экстрадиционное требование французского монарха, вопреки условиям договора. Более поздний трактат о выдаче 1475 г. обязывал короля Карла VIII арестовать убийц Жана Бургундского и выдать Франции.¹⁴ Еще более поздний договор 1661 г. обязал Данию выдавать английскому королю Карлу II всякого, кто участвовал в казни его отца Карла I. По этому же договору обоюдными врагами, подлежащими выдаче, считались враги католической церкви, еретики и нарушители религиозных обрядов.¹⁵

Таким образом, всеобщая раздробленность феодальных государств, обусловленная отсутствием сильной централизованной власти, доминирование во взаимных отношениях неправовых (силовых) средств в решении вопросов выдачи и частных (личных) целей, во имя которых добивались ее осуществления, закрепощение основной массы населения – все это препятствовало формированию и развитию международного права в целом и экстрадиционного права в частности как регулятора межгосударственных отношений и средства разрешения юрисдикционных коллизий в борьбе с преступностью. В этих условиях право выдачи по необходимости сводилось к частным, конкретно-индивидуальным случаям спорадического характера.

В данных обстоятельствах на роль некоего объединяющего начала, способного оказать серьезное влияние и на развитие межгосударственного взаимодействия посредством выдачи, выдвинулась церковь, сыгравшая решающую роль в распространении выдачи на еретиков, которые считались врагами всех западноевропейских государств.

---

¹¹ Левин Д. Б. История международного права. М., 1962. С. 18.

¹² Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. С. 59.

¹³ См.: Парижский трактат, заключенный в 1303 г. испанским королем Филиппом III и английским королем Эдуардом; договор 1378 г., заключенный королем Франции Карлом и герцогом Савойским; договор 1497 г. фламандцев с Англией; договор 1661 г. между Данией и Англией и др.

¹⁴ Волженкина В. М. Выдача в российском уголовном процессе. С. 22, 26.

¹⁵ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. II. СПб., 1883. С. 385.

Не менее значима роль церкви и в противодействии выдаче посредством расширения права убежища (*droit d'asile*), известного уже в классической древности, но получившего особенное распространение в средние века, когда возникает и утверждается мнение, что известные священные места должны считаться оберегающими от преследования всех укrywшихся там лиц. Такими местами, из которых не допускалась ни выдача, ни принудительное изъятие для наказания, стали монастыри, соборы, храмы, церкви, часовни и даже кресты, стоящие на дорогах.

Ф. Ф. Мартенс связывает право убежища с распространением христианства, полагая, что по своей первоначальной и основной мысли оно есть несомненно протест чувства человечности против жестокости законов и их применения, «когда личная кровавая месть заменяла еще правильное уголовное правосудие», а наказание служило «средством угнетения слабых сильными». ¹⁶

Не ставя под сомнение утверждение о том, что право убежища в этом качестве служило смягчению варварства, все же заметим, что в основе его лежала не только христианская мораль, но и стремление средневековой церкви, а также удельных князьков к самостоятельному решению вопросов выдачи.

Не случайно Чезаре Беккариа, задаваясь в свое время вопросом, справедливы ли убежища, писал: «В пределах данной страны не должно быть места, на которое бы не распространялось действие законов. Сила их должна следовать за гражданином как тень за телом. Безнаказанность и убежище мало чем отличаются друг от друга. И как неизбежность наказания производит большее впечатление, чем его строгость, точно так же убежище стимулирует преступления больше, чем наказания удерживают от них. Увеличивать число убежищ значит создавать такое же число небольших самостоятельных государств, так как там, где не действуют законы, могут приниматься новые, противоречащие действующим в стране. И это может способствовать формированию духа, враждебного духу всего общества. Вся история свидетельствует о том, что убежища являлись источником великих переворотов в государствах и во мнениях людей». ¹⁷

В период такого процветания внешнего убежища, отличающийся отсутствием юридической обязанности государств выдавать взаимно преступников, нарушивших общие уголовные законы, «не обнаруживается никаких следов *правового* института выдачи преступников, с теми условиями и формами, которые причастны ему в наше время». ¹⁸ Не способствовали осознанию его необходимости и невысокая мобильность населения, а также недостаточное развитие путей сообщения, что препятствовало побегам преступников и делало сам вопрос о выдаче предметом сношений и переговоров не столько центральных, сколько пограничных властей. ¹⁹ Даже если в некоторых странах Западной Европы XV в. и учреждается специальный орган для уголовного преследования, это скорее является следствием усиления королевской власти, для которой выдача продолжает служить средством преследования политических преступников преимущественно из личных интересов – для устранения конкурентов власти, а не поддержания публичного порядка.

Однако по мере укрепления национальных государств и усиления центральной власти, которая становится способной к установлению и поддержанию внутреннего правопорядка, право убежища все более теряло свой смысл, пока вовсе не было отменено.

---

¹⁶ Там же. С. 387.

¹⁷ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 210–211.

¹⁸ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. II. СПб., 1883. С. 386.

¹⁹ Там же. С. 386–387.

б) 2-й период (XVIII в. – первая половина XIX в.)

В XVIII в., с которого начинается отсчет второго периода в развитии экстрадиции, договоры о выдаче все более распространяются не только на дезертиров, но и на общеуголовных преступников – убийц, фальшивомонетчиков, воров, поджигателей, а сотрудничество государств в уголовном преследовании этих лиц становится все более интенсивным. Во многом это объясняется интенсификацией перемещения людей из одного государства в другое, особенно возросшей в связи с процессами индустриализации Европы и появлением новых видов транспорта, что вызвало проблемы борьбы с грабителями на железных дорогах, бродягами и лицами, совершающими трансграничные преступления.

Подтверждением тому, что необходимость в урегулировании отношений по поводу выдачи преступников прежде всего возникает у географически сопредельных стран, служит тот факт, что из свыше девяноста международно-правовых договоров, заключенных за период с 1718 по 1830 г. по вопросам экстрадиции, основная часть связала обязательства географически соседствующие государства, более других испытывающие объективную потребность помогать друг другу в поимке лиц, скрывающихся от правосудия.

Из такого рода договоров второго периода заслуживают внимания конвенция между Францией и Испанией 1765 г., которая с изменениями и дополнениями действовала до конца XIX в., а также заключенный в 1777 г. договор между Францией и Швейцарией, в котором стороны обязались взаимно выдавать «государственных преступников, убийц и других лиц, виновных в общих преступлениях».

Ведущая роль в формировании и развитии экстрадиционного права с конца XVIII и до конца XIX в. принадлежит Франции.²⁰ Благодаря именно ее международной деятельности было инициировано большинство из ныне существующих положений, содержащихся в договорах о выдаче (невыдача лиц, совершивших преступления политического характера, недопустимость выдачи за преступления с истекшим сроком давности и т. д.). Даже термин «экстрадиция» (фр. *extradition* лат. *ex* из, вне *traditio* передача) вошел в оборот благодаря Франции, где он впервые был официально употреблен в декрете от 19 февраля 1791 г., которым регламентировались отдельные процедуры выдачи,²¹ а сам французский язык получил в конце XVIII в. официальное признание в качестве рабочего языка дипломатической переписки по делам о выдаче.

Не без влияния Франции намечается в это же время тенденция к заключению многосторонних соглашений о выдаче. Первым из них явился Амьенский договор, подписанный в 1802 г. Великобританией, Голландией, Испанией и Францией.²²

Наконец, особенно большое количество специальных конвенций о выдаче дезертиров, принятых в этот период, также объясняется войнами союзников против Франции.

Таким образом, второй период, включающий в себя весь XVIII в. и первую половину XIX в., оказался для зарубежья и прежде всего для Западной Европы очень продуктивным как по количеству, так и по разнообразию заключенных договоров, а также по внедрению в практику выдачи ряда нововведений. Хотя в целом выдача в это время пока еще обусловлена главным образом политическими мотивами, а также соседством и родственными либо союзными отношениями. Поэтому и постановления о выдаче встречаются в большей части в союз-

²⁰ Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников. СПб., 1882. С. 7–8.

²¹ Для сравнения, в Англии новый термин обретает официальное звучание лишь с принятием закона об экстрадиции 1870 г., а в Америке – с 1848 г. До этого для обозначения выдачи использовалось понятие «*remittre*».

²² The American Journal of International Law. 1935. N 1–2. P. 41–42.

ных трактатах о дружбе. А беглые преступники, виновные в обычных деяниях, охотно принимаются на чужой территории, ибо в них видят даже приобретение для страны, а в их невыдаче – акт, способствующий росту населения.²³

Например, в 1808 г. была заключена картельная Конвенция между Россией и Саксонией, по от. XIV которой выдаче подлежали не только военнотружущие нижних чинов, но и «всякого состояния люди». Русское правительство не особенно настаивало на принятии этой статьи, но когда Саксония приняла столь широкое обязательство, оно изъявило желание, чтобы и Пруссия также подписала постановление о выдаче всякого звания людей и обыкновенных преступников. Но из доклада представителя России явствовало, что прусское правительство едва ли согласится принять такую статью ввиду господствующего в Пруссии взгляда, что «прусское население может только выиграть от эмиграции из России», и предложение о выдаче всех перебежчиков было отозвано.²⁴

в) 3-й период (1840–1943 гг.)

В третий период, начавшийся для западноевропейских стран с 40-х годов XIX столетия, появляется осознание необходимости бороться общими силами против преступников, совершивших не политические, а общеуголовные деяния. Благодаря заключаемым с этой целью договорам выдача наконец-то наполняется своим подлинным смыслом, превращаясь в действительный акт правовой помощи (оказываемой одним государством другому) в области международного общения.

По мере дальнейшего совершенствования средств сообщения открываются новые возможности для преступников находить более благоприятные и менее заметные формы перемещений с целью скрыться от правосудия, в том числе в отдаленных странах. Возрастающая мобильность населения требует осуществления контроля за передвижением людей уже на глобальном уровне. Даже те страны, которые прежде были защищенными в силу их географического положения по сравнению с государствами континентальной Европы, столкнулись с необходимостью принятия особых мер против вторжения преступности из-за рубежа.

Так, Великобритания, долгое время отличавшаяся либерализмом в отношении иммигрантов и неодобрительным отношением к процедуре выдачи, принимает в 1870 г. специальный закон об экстрадиции, который открывает интенсивный период в урегулировании данного института: если к концу 1869 г. она имела лишь три экстрадиционных договора с зарубежными странами, то с 1870 по 1910 г. экстрадиционные соглашения были заключены с 34 государствами.

К концу XIX в. большинство стран Европы и ряд стран американского континента заключили договоры как друг с другом, так и с географически удаленными государствами. Известную оригинальность привнесла в этот процесс Великобритания, начавшая выстраивать систему параллельных экстрадиционных отношений со странами, образующими Британское Содружество Наций, с одной стороны, и со всеми иными государствами – с другой.

Начало процессу нормативного оформления института экстрадиции в рамках указанного Содружества было положено в 1843 г., когда парламент Великобритании принял первый закон о регулировании процедуры выдачи находящихся в розыске преступников на всем простран-

---

²³ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. II. СПб., 1883. С. 388.

²⁴ Там же. С. 391.

стве британских колониальных владений. В 1881 г. он был заменен Законом о находящихся в розыске правонарушителях (*Fugitive offenders Act*).²⁵ В созданную таким образом систему экстрадиции в рамках Британского Содружества вошло 35 государств, включая собственно Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, а также практически все английские колонии (Гана, Гонконг, Индия, Кипр, Малави, Малайзия, Новая Зеландия и др.).

Усиливается тенденция к увеличению количества многосторонних соглашений о выдаче и на других континентах. Так, в 1889 г. в столице Уругвая – Монтевидео между Аргентиной, Боливией, Парагваем, Перу и Уругваем была заключена конвенция по международному уголовному праву, ст. 19–43 которой касались вопросов выдачи.²⁶

В XX в. многостороннее сотрудничество получает дальнейшее развитие. За договором, заключенным в Монтевидео, последовала Конвенция 1902 г., которую подписали в столице Мексики уже 17 стран (включая всех участников Конвенции 1889 г.), а именно: Аргентина, Боливия, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Парагвай, Перу, Сальвадор, Соединенные Штаты Америки, Уругвай, Чили, Эквадор.

Следующим актом в межамериканской системе экстрадиции явилась подписанная в столице Венесуэлы – Каракасе Конвенция 1911 г., участниками которой стали пять государств: Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу и Эквадор.

В развитие конвенции 1911 г. в 1928 г. на VI Международной конференции американских государств в Гаване был одобрен проект Общей конвенции по международному праву (известный в настоящее время как кодекс Бустаманте), книга III которого под названием «Международное уголовное право» включала статьи об экстрадиции, призванные служить дополнением к уже существующим договорам. Его участниками стали Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Куба, Никарагуа, Панама, Перу, Сальвадор, Чили, Эквадор.

В 1933 г. страны американского континента принимают в Монтевидео еще одну межамериканскую конвенцию о выдаче, которая, не отменяя существующие двусторонние или коллективные договоры, должна была автоматически войти в силу в случае прекращения действия предыдущих договоров (ст. 21). Среди ратифицировавших данную конвенцию стран фигурируют Аргентина, Гватемала, Гондурас (с оговорками), Доминиканская Республика, Колумбия, Мексика (с оговорками), Никарагуа, Панама, Сальвадор (с оговорками), Соединенные Штаты Америки (с оговорками), Чили (с оговорками), Эквадор (с оговорками). Выразили свое согласие на обязательность конвенции через акт подписания такие страны, как Бразилия, Куба, Парагвай, Перу. В последующем (в 1940 и 1957 гг.) конвенция дважды подвергалась процедуре пересмотра.²⁷

В 1952 г. к обустройству региональной системы экстрадиции приступила Лига арабских государств, приняв на своем Совете конвенцию о выдаче.

На европейском континенте региональные вопросы выдачи были урегулированы в Европейской конвенции 1957 г., в конвенции государств Бенилюкса 1962 г., не ратифицировавших названную выше конвенцию, а также в Скандинавском договоре о выдаче 1962 г., участниками которого стали Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция.

Неоднократно рассматривались на международном уровне и доктринальные проблемы экстрадиции. Так, экстрадиционная практика государств была обобщена на Оксфордской сессии Института международного права в 1880 г. В принятой по ее итогам Резолюции были сфор-

²⁵ См.: *Kenny*. *Outlines of criminal law*. Cambridge, 1945. P. 488.

²⁶ *Ibid.* P. 274–279.

²⁷ См.: *Зимин В. П., Zubov И. Н.* Международное сотрудничество в области борьбы с преступностью и охраны общественного порядка. М., 1993. С. 101; *Васильев Ю. Г.* Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве. М., 2003. С. 59–60.

мулированы общие положения, касающиеся взаимодействия государств по вопросам выдачи.²⁸ В последующем Институт международного права возвращался к проблемам выдачи на сессиях, которые проходили в 1890 г. в Женеве и в 1894 г. в Париже. В 1924 г. Лига Наций образовала Комитет экспертов по прогрессивной кодификации международного права, одной из задач которого также было изучение вопросов экстрадиции.²⁹

г) 4-й период (с 1943 г.)

В середине XX в. решающую роль в развитии института экстрадиции сыграла Вторая мировая война. Наказание за злодеяния, творимые в ее ходе фашистами, становится одной из основных целей войны. Уже 13 января 1942 г. союзные державы приняли «Межсоюзническое заявление о наказании за военные преступления», известное как Сент-Джеймская декларация. Далее последовал целый ряд заявлений и выступлений, в которых союзники выразили решимость подвергнуть уголовному преследованию тех, кто несет ответственность за зверства, убийства и казни или принимал в них непосредственное и добровольное участие. Эта общая решимость привела не только к учреждению Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов, созданных «для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом», но и к многочисленным процессам над военными преступниками, организованным в тех странах, где они совершили свои преступления.³⁰

Именно с этого момента экстрадиция приобретает важное значение в вопросах преследования за преступления против мира и безопасности человечества. Так, еще Московская декларация 1943 г. закрепила обязанность участников отсылать военных преступников «в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны».³¹ Затем в Резолюции от 13 февраля 1946 г. «О выдаче и наказании военных преступников» Генеральная Ассамблея ООН обязала все государства – члены ООН принять необходимые меры для ареста и высылки военных преступников в те страны, где они совершили преступления, для суда и наказания по законам этих стран.³² Об обязанности выдачи лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, говорится и в Резолюции ООН от 31 октября 1947 г. «О выдаче преступников войны и изменников».³³

Таким образом, история развития института выдачи преступников охватывает собой все исторические типы общества. Однако лишь в новое время выдача приобрела общечеловеческое значение в отношении преступлений международного характера и преступлений против мира и безопасности человечества.

Весьма существенна роль ООН и в кодификации института выдачи за общеуголовные преступления. 14 декабря 1990 г. на 45-й сессии ее Генеральной Ассамблеи в рабочем порядке был принят

²⁸ The American Journal of International Law. 1935. N 1–2. P. 299–302.

²⁹ League of Nations. Document C. 51. M., 1926. C. 28.

³⁰ См.: ст. 1 и 4 Соглашения между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 8 августа 1945 г.) // Действующее международное право: В 3 т. Т. 3. М., 1996.

³¹ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: В 3 т. Т. 1. М., 1946. С. 418.

³² Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на первой части I сессии. Лондон, 1946. С. 10. См. также: Международное право в избранных документах: В 3 т. М., 1957. Т. III. С. 404.

³³ Официальный отчет Генеральной Ассамблеи, вторая сессия. Резолюции. Нью-Йорк, 1947. С. 57.

Типовой договор о выдаче, который вобрал в себя многие прогрессивные положения.³⁴

д) Россия в зеркале мировой истории экстрадиции

Не оставалась в стороне от вышеописанных процессов и Россия, хотя история ее договорных отношений по вопросам выдачи имеет несколько иную периодизацию, нежели та, которая предложена Ф. Ф. Мартенсом применительно к мировому процессу развития института экстрадиции.

В частности, «выпадает» из российского процесса развития экстрадиционной практики древний мир, поскольку «исторически памятники нашей страны эпохи древнего мира не содержат никаких доказательств существования такой практики на ее территории хотя бы в виде единичных фактов».³⁵ Вспомним, что, по Нестору, возраст российской государственности отсчитывается с 862 г.

Поэтому начало истории экстрадиции в России связывается с эпохой раннего средневековья, а именно с Договором о мире и дружбе, заключенным киевским князем Олегом с Византией (911 г.), и такими же договорами, заключенными с греками его преемниками – киевскими князьями Игорем (945 или 944 г.) и Святославом (971 г.).³⁶ По мнению многих исследователей, в указанных договорах имелись и экстрадиционные нормы, устанавливающие, что русские, совершившие преступления в Византии, должны выдаваться для наказания отечеству, а греки – отсылаться в Византию, хотя некоторыми учеными дается иная интерпретация этим нормам.³⁷

Такие же обязательства можно найти в договоре Новгорода с немцами, заключенном в конце XII в.³⁸

Первым же соглашением, специально регулирующим выдачу, стала Договорная запись со Швецией от 19 октября 1649 г. о выдаче перебежчиков, по которой обе державы обязались выдать всех перебежавших после 1 сентября 1647 г. лиц и впредь «никаких перебежчиков не принимать и с одной стороны на другую не подзывать и не подговаривать». Свое развитие эти положения получили в российско-шведском договоре 1661 г. «О вечном мире между обеими державами», а также в конвенциях о выдаче 1798, 1801 и 1810 гг.

Однако указанные соглашения, как и другие договоры, заключенные Россией в XVIII и первой половине XIX столетия, имели в виду не только и даже не столько преступников, сколько вообще всех лиц, бежавших из одной страны в другую, в том числе политических выходцев и военных беглых. Примером тому может служить и Нерчинский трактат 1689 г., по которому Россия обязалась выдать Китаю его перебежчиков, а китайское правительство – русских, которые покинут свою родину после заключения этого трактата.

Что касается второго периода истории экстрадиции, отмеченного для Западной Европы большим количеством заключенных соглашений и стремлением охватить ими разные категории преступников, то Россия из этого процесса практически «выпала», поскольку за этот период она заключила лишь несколько договоров, в которых речь шла о выдаче только военных

³⁴ Manual on the Model treaty on extradition // Intern, rev. of criminal policy. N. Y., 1995. N45-46. P. 10.

³⁵ Родионов К. С. Закон Российской Империи 1911 г. об экстрадиции // Государство и право. 2003. № 7. С. 81.

³⁶ См.: Памятники русского права. Вып. 1. М., 1952. С. 13–14; Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. В. Л. Янина. М., 1984. С. 142.

³⁷ Так, К. С. Родионов полагает, что в данных нормах речь идет не о выдаче лица как процедуре оказания помощи при его уголовном преследовании, а об оказании помощи частным лицам в задержании и возвращении на родину должника, что относится к сфере гражданско-правовых отношений (Родионов К. С. Закон Российской Империи 1911 г. об экстрадиции. С. 81).

³⁸ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 2. М., 1996. С. 232.

дезертиров: три – с Австрией (1808, 1815 и 1834 гг.), три – с Пруссией (1804, 1816 и 1830 гг.) и один – с Саксонией (1808 г.).³⁹

В отношении же иных лиц показательным для разделяемых Россией взглядов того времени на убежавших из других стран как на ресурс прироста населения является тот факт, что в ходе состоявшихся в начале XIX в. переговоров между Россией и Австрией о взаимной выдаче русский министр иностранных дел обратился к министру внутренних дел князю Кочубею с запросом относительно того, не будет ли полезным распространить действие предложенной к заключению с Австрией картельной конвенции о дезертирах на людей «всякого звания». Последним Отношением от 5 апреля 1805 г. ответил на это, что такое распространение не в интересах России, так как пограничные с Австрией и Пруссией владения слабо населены, а конвенция, обязывающая к выдаче выходцев из этих государств, послужит только препятствием к дальнейшему умножению населения, которое, как заметил князь, «долго еще должно быть предметом попечительности нашей».⁴⁰

Впрочем, отдельные факты беглецов невоенного звания имели место. Так, в 1774 г. прусский посланник в Санкт-Петербурге потребовал ареста и выдачи купца Шульца, убежавшего из Штеттинской тюрьмы, куда попал по обвинению в «некоторых обманах». Коллегия иностранных дел дала предписание исполнить это требование, так как «подобные люди не должны иметь ни малейшего защищения, но паче стараться надобно таковых отсюда обратно за границу высылать или выдавать по бывающим о них требованиям». Поэтому несмотря на то, что Шульц поселился с 1773 г. в Петербурге и, торгуя винами, был записан в купечестве, его арестовали, описали его имущество и самого представили в коллегия иностранных дел для выдачи.⁴¹

И все же в этот период выдача преступников в подлинном смысле этого понятия была явлением исключительным. «Не о них заключались Россией договоры с другими державами, но против политических заговорщиков и беглых военных (дезертиров)».⁴²

Попытки же России заключить специальные картельные конвенции оставались безрезультатными, наталкиваясь на обструкционистскую позицию западноевропейских стран, уклонявшихся от принятия по отношению к России каких-либо положительных в отношении выдачи обязательств ввиду испытываемого недоверия к российскому правосудию. В этом кроется главная причина столь незначительного числа договоров, заключенных в этот период. Следовательно, серьезные переговоры с Россией о заключении специальных конвенций могли начаться только после судебной реформы.

Любопытны в этой связи рассуждения Чезаре Беккариа о полезности межгосударственных договоров о выдаче. Хотя они не касаются напрямую России, но все же, ставя вопрос о том, полезна ли взаимная выдача преступников государствами, автор пишет: «Я не могу взять на себя смелость в решении этого вопроса до тех пор, пока законы, более соответствующие потребностям человечества, более мягкие наказания и отсутствие зависимости от произвола и мнений не обеспечат безопасность притесняемой невинности и презираемой добродетели, пока тирания не будет изгнана отовсюду в обширные равнины Азии всеобщим разумом, все более объединяющим интересы престола и подданных. Однако лишь полная уверенность в

---

³⁹ Именно поэтому К. С. Родионов предлагает считать вторым для истории экстрадиции в России период с 1815 г. – года окончательной победы над Наполеоном до 1864 г. – года проведения в России судебной реформы (Родионов К. С. Закон Российской Империи 1911 г. об экстрадиции. С. 81).

⁴⁰ Цит. по: Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. II. СПб., 1883. С. 390.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 389.

том, что не осталось ни пяди земли, где бы прощали истинные преступления, могла бы стать действенным средством их предупреждения».⁴³

Потребовалась судебная реформа 1864 г., чтобы Россия смогла вырваться из состояния изоляции. Реформа послужила мощным импульсом для заключения новой серии экстрадиционных соглашений, первым из которых явился договор с Данией, подписанный в 1866 г., с которого начинается третий период эволюции экстрадиции в России. В годы, последовавшие за изданием судебных уставов 1866 г., заключаются конвенции о выдаче со многими государствами, в том числе с Нидерландами (1867), Баварией и Великим Герцогством Гессенским (1869), Италией (1871), Бельгией (1872), Швейцарией (1873), Австро-Венгрией (1874), Англией и Испанией (1877), Монако (1883), Пруссией (1885) и т. д.⁴⁴

В целом же с 1866 по 1911 г., т. е. за 45 лет, Россия заключила 24 соглашения о выдаче, связавшие ее едва ли не со всеми западноевропейскими странами, включая Великобританию (1886), Португалию (1887), Испанию (1888), Великое Герцогство Люксембургское и Швейцарию (1892), Нидерланды (1893), Данию (1909),⁴⁵ а также с рядом стран других континентов, в том числе с Конго и Перу (1886), Северо-Американскими Штатами (1887), Японией (1911) и др. Войдя таким образом в третий период (пусть даже с некоторым опозданием по сравнению с Западной Европой), Россия довольно быстро сумела ликвидировать отставание от европейского процесса развития экстрадиции, причем не только в количественном отношении, но и в качестве юридической проработки договорных и национальных норм, обеспечивающей их соответствие мировому уровню экстрадиционной практики начала XX в.⁴⁶

С Октябрьской революции 1917 г. начинается новый этап российской истории. От этой даты можно было бы отсчитывать и четвертый период отечественной истории договорных отношений по вопросам выдачи. Но только номинально. Фактически же за несколько первых десятилетий власти Советов институт экстрадиции не получил никакого развития. Теоретические изыскания, касающиеся международного сотрудничества в борьбе с преступностью, были свернуты, а реальные международные связи в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам – прерваны. Этот период «экстрадиционного безвременья» объясним состоянием изоляции, в котором оказалась советская Россия, а затем и Советский Союз.

Вторая мировая война и последовавший за ней еще более длительный период противостояния с западным миром в «холодной войне» не способствовали развитию внешних связей. Поэтому первые двусторонние договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам были заключены СССР лишь в конце 50-х годов со странами так называемого социалистического содружества: Корейской Народно-Демократической Республикой, Польской Народной Республикой и Чехословацкой Социалистической Республикой (все 1957 г.), а также с Народной Республикой Албанией, Румынской Народной Республикой и Венгерской Народной Республикой (все 1958 г.).⁴⁷

⁴³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. С. 211.

⁴⁴ См.: Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: В 13 т. СПб., 1869–1902 гг.; Лист Ф. Международное право (в систематическом изложении) / Пер. В. Э. Грабаря. Юрьев (Дерпт), 1912. С. 328–329; Сборник заключенных Россией действующих конвенций о выдаче преступников и о непосредственных сношениях русских пограничных судебных учреждений с иностранными судебными местами: Особое приложение к настольной книге криминалиста-практика. СПб., 1908.

⁴⁵ Одно из немногих исключений составляла Франция, дипломатия которой практически до конца XIX в. отметала всякую возможность заключения с Россией каких-либо договоров.

⁴⁶ Одним из подтверждений тому служит закон Российской империи «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств», который, по оценке К. С. Родионова, можно смело отнести к числу весьма удачных, ибо по своим достоинствам «его нормы не уступают, а превосходят нормы наших законов и договоров, образующих сегодня правовую базу Российской Федерации» (Родионов К. С. Закон Российской Империи 1911 г. об экстрадиции. С. 80).

⁴⁷ См.: Договоры об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенные СССР с другими социалистическими государствами. М., 1973.

В последующем, по мере возрастания количества подобных договоров, постепенно не только расширялась география экстрадиционного взаимодействия СССР, но и обогащалась политическая палитра стран, с которыми они заключались. В их числе оказались, например, Федеративная Народная Республика Югославия (1962) и Иракская Республика (1973), Народная Республика Болгария (1975) и Финляндская Республика (1978), Республика Вьетнам и Греческая Республика (1981), Алжирская Народная Демократическая Республика (1982), Республика Кипр, Республика Куба, Тунис (1984 г.) и др.⁴⁸

И все же нельзя не заметить, что в числе партнеров России по экстрадиционным соглашениям того времени не нашлось места для ведущих мировых держав и большинства развитых стран Западной Европы. Эта картина отражает положение дел во взаимоотношениях СССР со многими другими странами в эпоху «холодной войны».

Демократические преобразования в СССР периода «перестройки» послужили импульсом к более всестороннему и активному сотрудничеству в сфере оказания правовой помощи в борьбе с преступностью, в том числе в форме присоединения к значительному числу международных конвенций, многосторонних и двусторонних соглашений, участия в работе органов, институтов ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, имеющих целью борьбу с преступностью. Присоединившись в 1990 г. к Интерполу, Советский Союз начал участвовать в деятельности по международному розыску преступников через свое национальное бюро Интерпола.

С распадом СССР в 1991 г. Российская Федерация, как правопреемник по его международным обязательствам, осталась стороной международных соглашений о правовой помощи, участником которых был СССР. Кроме того, на смену ст. 31 УПК РСФСР, определявшей порядок сношений российских судов, следователей и органов дознания с соответствующими органами экссоюзных республик, пришли заключенные в период 1992–1993 гг. двусторонние договоры о правовой помощи с вновь образованными государствами ближнего зарубежья – Азербайджаном, Кыргызстаном, Латвией, Литвой, Молдовой, Эстонией, а также многосторонняя Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, представляющая собой комплексный международно-правовой акт, вписавшийся в рамки уже действующих двусторонних соглашений.⁴⁹

С учетом растущих потребностей в сотрудничестве по уголовно-правовым вопросам была продолжена работа по обновлению договорной базы в этой области и со странами дальнего зарубежья. С одними из них (в частности, с Албанией,⁵⁰ Кубой,⁵¹ Монголией,⁵² Польшей⁵³) Россия перезаключила соглашения о правовой помощи, с другими установила до того отсутствующие договорные отношения.

Наряду с этим наметилась тенденция к заключению узкопрофильных (специальных) экстрадиционных договоров, т. е. посвященных исключительно экстрадиции. Таков, например, Договор о выдаче, заключенный в 1995 г. с Китаем,⁵⁴ при том, что на тот период времени с КНР

⁴⁸ См.: Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996.

⁴⁹ Там же. С. 31–52.

⁵⁰ См.: прежний Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Албанией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам (Москва, 30 июня 1958 г.). Действовал с 26 февраля 1959 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 10. Ст. 72).

⁵¹ См.: прежний Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Гавана, 28 ноября 1984 г.). Действовал с 7 августа 1986 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 36. Ст. 743).

⁵² Со дня вступления в силу настоящего Договора прекратил свое действие Договор между СССР и МНР о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам (Улан-Батор, 25 августа 1958 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXI. М., 1967.

⁵³ До этого времени действовал Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Варшава, 28 декабря 1957 г.).

⁵⁴ Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. С. 280.

уже имелось многоцелевое соглашение о правовой помощи.⁵⁵ За ним последовали специальные экстрадиционные соглашения с Индией (1998 г.) и Бразилией (2002 г.). В русле этой тенденции можно рассматривать и присоединение России в 1999 г. к Европейской конвенции о выдаче 1957 г., хотя значение этого факта выходит далеко за пределы изложенного обстоятельства.

Активная законотворческая работа началась также на национальном уровне. Отдельная статья о выдаче появилась в Уголовном кодексе РФ, принятом 13 июня 1996 г. Еще более кардинальным шагом в этом направлении явилось включение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый 18 декабря 2001 г., принципиально нового раздела, посвященного международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства.⁵⁶ Ни один из ранее действовавших УПК не определял порядок взаимодействия с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств по данным вопросам в таком объеме, широте и детализации.⁵⁷

---

⁵⁵ См.: Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Пекин, 19 июня 1992 г.). Вступил в силу 14 ноября 1993 г.

⁵⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

⁵⁷ К попытке указать на порядок сношений судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими учреждениями иностранных государств можно отнести ст. 32 УПК РСФСР 1960 г., но уголовно-процессуальная деятельность в ней фактически не регламентировалась, а сама статья носила отсылочный (по отношению к международным договорам) характер и полноценной правовой базы для международного сотрудничества не создавала.

§ 2. Внутригосударственная регламентация экстрадиции

Подводя итог краткому обзору истории института экстрадиции, можно констатировать, что он сформировался на стыке международного и национального права. Следовательно, при том, что роль норм международного права в решении вопросов выдачи преступников более чем очевидна, кое обстоятельство находит свое отражение и в соответствующих определениях выдачи,⁵⁸ обоснованна и критика подобного рода определений со стороны тех авторов, которые подчеркивают, что недопустимо сводить данный институт только к указанным нормам, коль скоро осуществление выдачи покоится также на нормах внутригосударственного права.

Наиболее точно отражающей такое видение института экстрадиции является следующая дефиниция: «Выдача преступников – это акт правовой помощи, осуществляемый в соответствии с положениями специальных договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заключающийся в передаче преступника другому государству для суда над ним или для приведения в исполнение вынесенного приговора».⁵⁹

Таким образом, современные источники экстрадиционного права включают в себя как международно-правовые нормативные акты, так и нормы национального права. При этом в ряде европейских стран (Италии, Франции и др.) собственное право является достаточным основанием для выдачи и при отсутствии международных договоров, тогда как для стран «общего права» (Великобритании, США и др.) наличие таковых обычно считается необходимым условием выдачи.

Уровень национального регулирования выдачи чрезвычайно важен. Ибо все вопросы, связанные с экстрадицией, входят в компетенцию исключительно государства, которое, как территориальный суверен, исходя из своих интересов, вправе отказать в выдаче, осудив требуемое лицо по собственным законам, или выдать его.

Свидетельством суверенитета государства в вопросах экстрадиции является то положение, что даже при наличии договора в выдаче может быть отказано, если запрашиваемое государство сочтет, что удовлетворение просьбы нанесет ущерб его суверенитету, безопасности, общественному порядку (*ordre public*) или другим имеющим существенно важное значение государственным интересам.

Так, включая в себя оговорку о публичном порядке, Федеральный закон от 25 октября 1999 г. «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней», прямо указывает, что преступления, в связи с которыми выдача не может быть произведена по данному основанию, устанавливаются федеральным законом.⁶⁰

Таким образом, национальные предписания по вопросам экстрадиции во многих случаях служат основой для заключения международных экстрадиционных договоров, ограничивая действие последних соответствующими ссылками, как это имеет место, например, в договоре между Австралией и Израилем 1961 г., в ст. 3 (1) которого говорится, что «выдача должна быть гарантирована за преступления, наказуемые по законам Австралии лишением свободы на срок свыше одного года и предусмотренные в перечне преступлений в законе о выдаче Израиля».⁶¹

---

⁵⁸ Например, Л. Н. Галенская определила в свое время выдачу как «процесс передачи преступника в соответствии с нормами международного права другому государству для применения уголовного наказания» (Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. С. 122).

⁵⁹ Звирбуль В. К., Шутлов В. П. Выдача уголовных преступников. М., 1974. С. 6, 11. См. также: Волженкина В. М. Выдача в российском уголовном процессе. С. 15.

⁶⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 43. Ст. 5129.

⁶¹ United Nations Treaty Series. Vol. 448. P. 184.

Европейская конвенция о выдаче 1957 г. также оставляет за любой из ее сторон, законодательство которой не предусматривает выдачу за некоторые деяния, указанные в данной Конвенции в качестве служащих основанием для выдачи, право исключить таковые из ее сферы в той мере, в которой это ее касается. И если какая-либо сторона пожелает воспользоваться этим правом, то в момент сдачи на хранение своей ратификационной грамоты или документа о присоединении она препровождает Генеральному секретарю Совета Европы либо список преступлений, в связи с которыми разрешена выдача, либо список преступлений, в связи с которыми выдача исключается, указав правовые положения, разрешающие или исключающие выдачу. Последний, в свою очередь, направляет эти списки другим подписавшим сторонам. При этом любая из них может проявлять взаимность в отношении любых преступлений, исключенных из сферы применения Конвенции.

Аналогичная процедура предусмотрена относительно преступлений, выдача за которые в соответствии с законом какой-либо стороны исключается впоследствии. При этом любая сторона, воспользовавшаяся предусмотренным правом, может в любое время применить настоящую Конвенцию к преступлениям, которые были исключены из сферы ее действия, проинформировав Генерального секретаря Совета о таких изменениях (ст. 2).

Даже многосторонние конвенции о преступлениях международного характера, не обуславливающие выдачу наличием экстрадиционного договора, а признающие в качестве юридического основания для выдачи сами себя, оговаривают, что она должна осуществляться с соблюдением законодательства того государства, к которому обращена просьба о выдаче. При этом участникам данных конвенций, которым необходимо подробное законодательство, с тем чтобы использовать их в качестве юридического основания для выдачи, надлежит рассматривать возможность принятия такого законодательства.

Особую роль играет национальное законодательство в урегулировании экстрадиции на началах взаимности, что было подчеркнуто еще в Оксфордской резолюции 1880 г., в которой говорится о желательности того, чтобы во всех странах закон определял производство выдачи, а также условия, при которых требуемые лица могут быть выданы правительствами, с которыми не существует договора (п. 4). В полном соответствии с изложенным пожеланием находится, в частности, ст. 8 УК Сан-Марино, гласящая: «Экстрадиция регулируется международными конвенциями, а в тех случаях, когда они отсутствуют, законом Республики Сан-Марино».

Российско-бразильский договор об экстрадиции также указывает на возможность выдачи не только «на условиях, предусмотренных настоящим Договором», но и «в соответствии со своим законодательством». Какое же законодательство имеется в виду?

На внутригосударственном уровне положения о выдаче могут содержаться в конституциях, соответствующих разделах уголовных, уголовно-процессуальных или в особых экстрадиционных законах, а также в нормативных актах, принимаемых органами исполнительной власти. Законодательство России по вопросам экстрадиции также можно разделить на три уровня.⁶²

а) Конституции

Уровень конституционного регулирования непосредственно представлен ст. 61 российской Конституции, запрещающей выдачу граждан России другому государству и гарантирующей им защиту и покровительство за ее пределами, а также ст. 63, не допускающей выдачу иных лиц, преследуемых за политические убеждения либо за деяния, не признаваемые в Рос-

---

⁶² См.: Подишьякин А. С., Подишьякин С. А. Экстрадиция как форма международного сотрудничества в борьбе с трансграничной преступностью // Современные проблемы борьбы с трансграничной преступностью: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Сочи, 9-12 октября 2000 г.). Краснодар, 2000. С. 42-43.

сии преступлением, и предписывающей выдачу лиц, обвиняемых в совершении преступления, на основе федерального закона или международного договора.

Опосредованно вопросы выдачи связаны с положениями ч. 4 ст. 15 Конституции, в которой говорится, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы.

Важное значение для решения вопросов экстрадиции имеет также конституционное положение ч. 1 ст. 17 о том, что в Российской Федерации «признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Его значимость предопределяется тем, что решение вопроса о выдаче – суверенное право государства, но непременным условием его осуществления должно быть обеспечение прав выдаваемого лица. Это одно из основных требований, предъявляемых к современному институту экстрадиции. Оно полностью отвечает предписанию ст. 2 российской Конституции, согласно которой «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

С одной стороны, следование международным стандартам в обеспечении прав человека в сфере выдачи предполагает, что выданному России лицу, независимо от наличия у него того или иного гражданства, должны быть гарантированы такие общепризнанные и закрепленные Конституцией права любого человека, как:

- право на равенство перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (ст. 19);

- право быть свободным от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (ст. 21);

- право требовать, чтобы его арест, заключение под стражу и содержание под стражей были допущены только по судебному решению (ст. 22);

- право на пользование родным языком и свободный выбор языка общения (ст. 26);

- право на медицинскую помощь (ст. 41);

- право на судебную защиту прав и свобод (ст. 46);

- право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст. 48);

- право обвиняемого в совершении преступления считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49);

- право быть свободным от повторного осуждения за одно и то же преступление (ст. 50);

- право каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания (ст. 50);

- право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников (ст. 51);

- право быть свободным от ретроактивного действия устанавливающего или отягчающего ответственность закона и на применение закона, устраняющего или смягчающего ответственность (ст. 54), и т. д.

С другой стороны, при решении вопроса об экстрадиции лица из России национальные компетентные органы обязаны принимать во внимание возможность нарушения прав выдаваемого в запрашивающем государстве, включая право на справедливое судебное разбирательство.

Так, в судебной практике США имеется немало решений (например, решения Апелляционного суда округа Колумбия по делу Берта и по делу «Пластер против США»), констатирующих, что выдача исполнительной властью лица, дело которого не будет рассмотрено в другом государстве справедливо, нарушает *конституционные* права этого лица в выдающем государстве. Это означает, что само решение о выдаче при таких условиях является нарушением прав выдаваемого, а не будущий процесс.⁶³

Особое значение в этой связи приобретает право иностранных граждан и лиц без гражданства, преследуемых за политические убеждения, на политическое убежище, включающее в себя и право на невыдачу их другим государствам, закрепленное ст. 63 Конституции РФ.

Конституции многих других стран (например, Германии, Ирландии, Испании, Италии, Португалии, Франции) также содержат экстрадиционные положения.⁶⁴ Так, ст. 26 Конституции Итальянской Республики устанавливает: «Выдача гражданина может состояться только в случаях, точно предусмотренных международными соглашениями. Ни в коем случае не допускается выдача за политические преступления».⁶⁵ Статья 16 Конституции ФРГ определяет: «Ни один немец не может быть выдан иностранному государству. Лица, подвергающиеся политическим преследованиям, пользуются правом убежища».⁶⁶

б) Уголовные кодексы

Потенциал конституционного регулирования экстрадиции, при всей его важности, безусловно, недостаточен для решения многих ее конкретных вопросов.

Поэтому со временем нормы о выдаче получают определенную детализацию в уголовных кодексах. В частности, в настоящее время нормы о выдаче включены в УК Азербайджана от 30 декабря 1999 г. (ст. 13),⁶⁷ УК Белоруссии от 9 июля 1999 г. (ст. 7),⁶⁸ УК Болгарии, принятый 15 марта 1968 г. (ч. 2 ст. 4),⁶⁹ УК Германии в редакции от 13 ноября 1998 г. (абз. 2 § 7),⁷⁰ УК Грузии от 22 июля 1999 г. (ст. 6),⁷¹ УК Казахстана от 16 июля 1997 г. (ст. 8),⁷² УК Кыргызстана от 18 сентября 1997 г. (ст. 6),⁷³ УК Молдовы от 18 апреля 2002 г. (ст. 13),⁷⁴ УК Польши от 6 июня 1997 г. (ст. 113),⁷⁵ УК Сан-Марино от 25 февраля 1974 г. (ст. 8),⁷⁶ УК Таджикистана от 21 мая 1998 г. (ст. 16),⁷⁷ УК Турции от 1 марта 1926 г. (ст. 9),⁷⁸ УК Узбекистана от 22 сентября 1994 г. (ч. 2 ст. 12),⁷⁹ УК Украины от 5 апреля 2001 г. (ст. 10),⁸⁰ УК Швейцарии от 21 декабря 1937 г. (ст. 6),⁸¹ УК Швеции 1962 г. (ст. 8)⁸² и др.

⁶³ См.: Лукашук И. И., Наумов А. В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве: Учебно-практическое пособие. М., 1998. С. 57.

⁶⁴ См.: Международное уголовное право / И. П. Блищенко, Р. А. Каламкарян, И. И. Карпец и др. М., 1995. С. 157; Конституции государств Европейского Союза. М., 1997.

⁶⁵ Cazzetta ufficiaie della Republica Italiana. Serie generale. 17 gennaio 1989. N 13. P. 3.

⁶⁶ Grundgesetz fur die Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 1989.

⁶⁷ См.: **Уголовный** кодекс Азербайджанской Республики / Науч. ред. И. М. Рагимов. СПб., 2001.

⁶⁸ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь / Обзорная статья А. В. Баркова. Минск, 1999.

⁶⁹ См.: Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А. И. Лукашов. СПб., 2001.

⁷⁰ См.: Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. Д. А. Шестаков. СПб., 2003.

⁷¹ См.: Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З. К. Бигвава. СПб., 2001.

⁷² См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан. СПб., 2001.

⁷³ См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002.

⁷⁴ См.: Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003.

⁷⁵ См.: Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова. СПб., 2001.

⁷⁶ См.: Уголовный кодекс Республики Сан-Марино / Науч. ред. С. В. Максимов. СПб., 2002.

⁷⁷ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001.

⁷⁸ См.: Уголовный кодекс Турции / Науч. ред. Н. Сафаров и Х. Бабаев. СПб., 2003.

⁷⁹ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001.

в) Экстрадиционные законы

Несмотря на то, что отдельные нормы о выдаче появились в уголовных законах ряда стран довольно давно, логика формирования института экстрадиции неумолимо подводила к необходимости принятия специальных законов, в которых государства формулируют свою политику по вопросам выдачи, в том числе относительно условий, которых они намерены придерживаться при удовлетворении экстрадиционных запросов. Как писал Ф. Ф. Мартенс, определяя условия выдачи и те начала, на которых могут быть заключены соответствующие конвенции, «законы эти устраняют множество недоразумений, которые возникают на практике, и предупреждают противоречия конвенций с общими началами законодательства». ⁸³ Тем самым внутренний экстрадиционный закон обретает для каждого принявшего его государства статус директивного указания при заключении им межгосударственных соглашений о выдаче.

Показателен на этот счет УК Швеции 1962 г., который, указывая на то, что в отношении выдачи лиц, совершивших преступление, применяются «специальные положения», требует, чтобы условия, оговоренные в отношении выдачи таких лиц иностранным государством Швеции, соответствовали «положениям, действующим в Королевстве» (ст. 8).

Первым же национальным законом в мировой экстрадиционной практике считается бельгийский Закон 1833 г., в целом посвященный отнюдь не вопросам выдачи преступников, но снискавший себе известность благодаря включенной в него норме об отказе Бельгии от выдачи лиц, подвергшихся у себя в стране преследованию за политическую деятельность. ⁸⁴

Далее примеру Бельгии последовали Англия (1870), ⁸⁵ Нидерланды (1875), Германия (1884), Япония (1887), Люксембург (1888), Перу (1888), Швейцария (1892), Северо-Американские Штаты (1895), Аргентина (1905), Норвегия (1908), Швеция (1913), Финляндия (1922), Франция (1927 г.), Германия (1929), Болгария (1932), Индия (1962 г.) и другие страны, принявшие отдельные экстрадиционные законы. В итоге на протяжении XIX и XX вв. общие законы о выдаче были изданы едва ли не повсеместно.

Ныне в некоторых странах (например, в Германии и Швейцарии) вопросы экстрадиции решаются в законах о международной помощи по уголовным делам. В Англии все нормы о выдаче объединены в Законе 1989 г. Основной американский закон об экстрадиции 1982 г. изложен в § 3181–3196 главы о лицах, скрывающихся от правосудия, раздела 18 Свода законов США и в приложении к нему 1992 г. В Канаде по данному вопросу действует Закон о выдаче 1985 г., в Италии – декрет-закон № 544 от 28 декабря 1993 г. (с изменениями, внесенными в феврале 1994 г.), во Франции – закон № 95-1 от 2 января 1995 г. и т. д. В качестве примера новых актов о выдаче можно указать на экстрадиционные законы Австрии, Германии и Швеции, основанные на тех же принципах, что и Европейская конвенция о выдаче 1957 г.

В России первый закон «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств», обобщивший накопленный опыт, ранее рассредоточенный в заключенных ею договорах с другими государствами, был принят Государственной думой 19 марта 1911 г., утвержден два месяца спустя Государственным советом, а после его подписания императором Николаем

⁸⁰ См.: Уголовный кодекс Украины / Науч. ред. В. Я. Таций, В. В. Сташис. СПб., 2001.

⁸¹ См.: Уголовный кодекс Швейцарии / Науч. ред. Серебренникова. СПб., 2002.

⁸² См.: Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, С. С. Беляев. СПб., 2001.

⁸³ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. II. СПб., 1883. С. 392.

⁸⁴ Развернутый же закон, полностью посвященный вопросам экстрадиции, Бельгия приняла в 1874 г.

⁸⁵ Применительно к исследуемой теме заслуживает упоминания и акт Великобритании 1881 г. о беглых преступниках, в котором речь шла об их преследовании, розыске и выдаче в рамках государств, входивших тогда в Британское Содружество Наций (*Fugitive offenders Act*), а также акт 1915 г., регламентирующий те же вопросы в отношении протекторов.

II был опубликован 15 декабря 1911 г. и вступил в действие с января 1912 г.⁸⁶ Благодаря этому Россия оказалась в числе государств, имеющих специальный закон об экстрадиции.

По своему объему он был небольшим – всего 25 статей, составивших в Своде законов Российской империи отдельную главу, включенную в Устав уголовного судопроизводства под тем же названием, что и сам закон, и получивших соответственно двойную нумерацию (от ст. 852/1 до ст. 852/25). Но долго «поработать» этому закону не довелось. В условиях Первой мировой войны, начавшейся летом 1914 г., он оказался невостребованным, а после октября 1917 г. – и вовсе ничтожным наряду со множеством других имперских правовых актов, прекративших свое действие. Но если в уголовном и уголовно-процессуальном праве на смену прежним законоположениям вскоре пришли законы иной формации, то по вопросам экстрадиции за весь советский период так и не было принято нового закона.

В итоге, несмотря на то, что вопрос о необходимости закрепления института выдачи на уровне федеральных законов в отечественной доктрине ставился неоднократно,⁸⁷ сделано это было лишь с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 г., ч. 1 ст. 13 которого запретила выдачу российских граждан, совершивших преступление на территории иностранного государства, этому государству, а ч. 2 оговорила возможность выдачи находящихся на территории России иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступление вне ее пределов, иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором.⁸⁸

Впрочем, положения ст. 13 УК едва ли не дословно воспроизводят предписания ст. 61 и 63 Конституции РФ, не только не развивая их, но даже в чем-то обедняя. Так, ч. 1 ст. 61 Конституции запрещает какую бы то ни было выдачу российских граждан другому государству, тогда как ч. 1 ст. 13 УК – только выдачу для осуществления этим государством территориальной юрисдикции. Кроме того, ч. 2 ст. 63 Конституции допускает выдачу на основе как международного договора, так и федерального закона, в то время как ч. 2 ст. 13 УК называет в качестве такой основы только международный договор. Наконец, об исключаящем выдачу политическом убежище, о котором говорится в ч. 1 ст. 63 Конституции, УК вообще умалчивает.

Словом, вопросы выдачи преступников решены в действующем УК далеко не лучшим и весьма лапидарным образом. Стоит лишь, пожалуй, отметить, что косвенно эти вопросы связаны также со ст. 3 УК, провозглашающей принцип *nullum crimen sine lege* (нет преступления без указания о том закона), со ст. 6, закрепляющей принцип *non bis in idem*, а также со ст. 11 и 12, регламентирующими действие уголовного закона в пространстве.

Следующим шагом в законодательной регламентации экстрадиции стал УПК РФ, часть пятая которого полностью посвящена международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, а специальная гл. 54 данной части – выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора. В ней регламентируются такие вопросы, как направление запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства (ст. 460); пределы уголовной ответственности выданного России лица (ст. 461); исполнение запроса о выдаче лица, находящегося на территории РФ (ст. 462); обжалование решения о выдаче лица и судебная проверка его законности и обоснованности (ст. 463); отказ в выдаче лица (ст. 464); отсрочка в выдаче лица и выдача лица на время (ст. 465); избрание меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица (ст. 466); передача выдаваемого лица (ст. 467); передача предметов (ст. 468).⁸⁹

⁸⁶ См.: Свод законов Российской империи. Т. 16. Ч. 1. Пг., 1914. С. 143–147.

⁸⁷ Курс советского уголовного права (часть Общая): В 5 т. Т. 1 / Отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 140–141.

⁸⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁸⁹ Указанные статьи действуют в редакции, введенной Федеральным законом от 4 июля 2003 г. «О внесении изменений и

Некоторые вкрапления экстрадиционно-правового характера могут содержаться и в законах, посвященных противодействию отдельным видам преступности. В частности, в ст. 12 Федерального закона от 7 августа 2001 г. (с изменениями на 30 октября 2002 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» говорится, что решение о выдаче иностранному государству лиц, совершивших преступления, связанные с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, принимается на основании обязательств, вытекающих из международного договора Российской Федерации, а в случае, если у нее нет соответствующего договора с иностранным государством, которое запрашивает выдачу, – при условии соблюдения принципа взаимности.

Завершающим этапом на этом пути должно стать принятие закона о выдаче и связанного с ним закона о предоставлении политического убежища. Поручение о разработке проектов названных законов было дано комитетам Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе, по международным делам, по делам СНГ и связям с соотечественниками, а также по безопасности Постановлением Государственной Думы от 17 апреля 1996 г. «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об ответственности за выдачу иностранным государствам лиц, преследуемых за политические убеждения”» (п. 3).

Но пока такой закон не принят, его возможные параметры обсуждаются на доктринальном уровне. В частности, один из проектов национального экстрадиционного закона был разработан сотрудниками НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ и опубликован в журнале «Уголовное право»⁹⁰.

По замыслу авторов проекта, этот закон должен регламентировать «основания и порядок выдачи и передачи граждан, совершивших преступления на территории Российской Федерации и скрывшихся за границей, иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления за рубежом и находящихся в пределах Российской Федерации».

Проект закона состоит из 27 статей, разбитых на пять разделов, предусматривающих: 1) общие положения, 2) запрос о выдаче, 3) порядок выдачи, 4) порядок передачи выдаваемого лица, 5) передачу лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является.

Данный проект был подвергнут весьма обстоятельному анализу В. М. Волженкиной. Поддержав в целом идею его разработки и отметив ряд достоинств проекта, она вместе с тем высказала немало критических замечаний в его адрес, послуживших основанием для вывода о том, что предлагаемый проект нуждается в доработке.⁹¹

Нынешнее же состояние национальных источников экстрадиционных норм позволяет заключить, что российская правосистема близка в этом отношении правовой системе Италии, которая является примером регулирования данных вопросов Конституцией, Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами в отсутствие специального экстрадиционного закона.

г) Ведомственные нормативные акты

Уровень ведомственного регулирования вопросов экстрадиции включает в себя приказы и указания Генерального прокурора, министров юстиции и внутренних дел РФ, а также иные подзаконные акты, регламентирующие отдельные процедурные вопросы.

дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (Российская газета. 2003. 10, 11 июля).

⁹⁰ См.: Якубович Н., Быкова Е., Коротеев Б. Проект Федерального закона «О выдаче (экстрадиции)» // Уголовное право. 2000. № 3. С. 58–62.

⁹¹ См.: Волженкина В. М. Выдача в российском уголовном процессе. С. 160–184.

Для уголовно-правовой характеристики экстрадиции значение ведомственных нормативных актов практически ничтожно. Некоторые «технические» вопросы выдачи решаются лишь в тех подзаконных актах, которые приняты во исполнение экстрадиционных законов и международных договоренностей. Одним из таких актов является Указание Генеральной прокуратуры РФ от 20 июня 2002 г. № 32/35 «О порядке рассмотрения ходатайств иностранных государств об экстрадиции в связи с введением в действие УПК Российской Федерации».

В целях обоснованного и своевременного рассмотрения ходатайств иностранных государств о выдаче иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления на территории других государств, обеспечения их прав и законных интересов, а также осуществления действенного прокурорского надзора за законностью задержания и заключения под стражу этих лиц, настоящее Указание предлагает:

– заместителям Генерального прокурора, начальникам управлений и отделов Генеральной прокуратуры, прокурорам субъектов Российской Федерации, городов и районов, военным прокурорам и прокурорам других специализированных прокуратур руководствоваться при рассмотрении вопросов, связанных с выдачей иностранному государству обвиняемых, находящихся на территории России, для уголовного преследования или исполнения приговора, международными договорами, Конституцией и УПК РФ, исходя при этом из того, что решение о выдаче принимается в соответствии с распределением обязанностей Генеральным прокурором или его заместителем;

– при разрешении вопросов, связанных с рассмотрением ходатайств об экстрадиции, учитывать, что порядок задержания на территории России лиц, находящихся в межгосударственном (федеральном) или международном розыске, заключения их под стражу и продления сроков содержания под стражей определяется ее международными договорами, с учетом чего положения статей главы 54 УПК, касающиеся избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста для обеспечения возможной выдачи лица, а также продления сроков передачи выдаваемых лиц, применяются в части, не противоречащей международным договорам РФ.

На территориальных прокуроров по месту задержания и заключения под стражу лиц, подлежащих выдаче, указанный документ возлагает следующие полномочия:

– заполнять в течение 24 часов после задержания лиц, находящихся в межгосударственном розыске, лист экспресс-опроса задержанного и по каналам быстрой связи (факсимильной, телеграфной, телетайпной) направлять этот документ в отдел экстрадиции международно-правового управления Генеральной прокуратуры⁹² (при том, что передача листа не отменяет обыч-

⁹² Лист экспресс-опроса лица, задержанного по межгосударственному розыску, включает в себя следующие позиции: 1. Фамилия задержанного _____ Имя _____ Отчество _____ 2. Число, месяц, год рождения _____ Место рождения _____ 3. Данные паспорта _____ 4. Является ли паспорт национальным (какого государства) _____ 5. Когда, каким ОВД задержан (город, район, область) _____ 6. Где содержится в настоящее время _____ 7. Инициатор розыска (район, область, государство) _____ 8. Дата объявления розыска, статья УК _____ 9. Период проживания в государстве – инициаторе розыска _____ 10. Причины, время выезда из государства – инициатора розыска _____ 11. Время и цель прибытия в Россию _____ 12. Место и период постоянного проживания (постоянной прописки) на день вступления в силу Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации» (государство, область, адрес) _____ 13. Дата и место регистрации в России _____ 14. Место фактического проживания в России (подробный адрес), с какого времени _____ 15. Привлекался ли к уголовной ответственности в России, был ли осужден _____ 16. Заявление задержанного о гражданской принадлежности, гражданином какого государства себя считает, как объясняет причины его уголовного преследования _____ 17. Обращался ли в установленном порядке за приобретением российского гражданства (когда, в какой орган, результаты рассмотрения) _____ 18. Гражданская принадлежность по данным ИВС УВД (ОВД) _____ 19. Обращался ли в России за политическим убежищем либо за приобретением статуса беженца _____ 20. Располагает ли сведениями, составляющими государственную тайну Российской Федерации, или иными, способ-

ную экстрадиционную проверку с направлением документов по факсу, почтой или фельдсвязью в Генпрокуратуру);

– получать у задержанных лиц объяснения о цели их прибытия в Россию, месте и времени проживания и регистрации, гражданстве, предоставлении убежища, обстоятельствах и мотивах уголовного преследования, возможных препятствиях для их выдачи;

– проверять подлинность документов, имеющихся у этих лиц, устанавливать их личность и гражданство;

– истребовать в необходимых случаях заключения паспортно-визовых служб органов внутренних дел субъектов Российской Федерации или консульских учреждений Министерства иностранных дел РФ о принадлежности задержанных к российскому гражданству;

– проверять наличие и подлинность официальных данных, с учетом которых в выдаче лица может быть отказано (ст. 464 УПК), его выдача может быть отсрочена (ч. 1 ст. 465 УПК) либо лицо может быть выдано на время (ч. 2 ст. 465 УПК);

– до поступления из органов государств – инициаторов розыска постановлений о заключении задержанных под стражу содержать их в изоляторах временного содержания, а при поступлении документов об аресте производить освобождение с уведомлением соответствующих прокуроров субъектов РФ;

– при подтверждении инициаторами розыска их намерения требовать выдачи указанных лиц и представлении постановлений о заключении под стражу, в том числе переданных по почте, телефаксу, телеграфу или телетайпу, содержать арестованных под стражей в следственных изоляторах в соответствии со сроками, предусмотренными многосторонними и двусторонними договорами;

– все материалы экстрадиционной проверки с соответствующим заключением об обоснованности задержания, гражданской принадлежности задержанных лиц и возможности их выдачи представлять в течение трех дней после задержания прокурорам субъектов РФ и приравненным к ним военным и иным специализированным прокурорам;

– освободить из-под стражи лиц, подлежащих выдаче, только по указанию Генпрокуратуры после принятия решения об отказе в выдаче или при непоступлении в установленный срок запроса о выдаче, а также по решению суда;

– при установлении обстоятельств, исключающих выдачу задержанных, освободить их из-под стражи, о чем докладывать соответствующим прокурорам субъектов РФ, приравненным к ним военным и иным специализированным прокурорам;

– при установлении фактов совершения лицами, не подлежащими выдаче, особо тяжких преступлений (терроризм, убийство, бандитизм и т. и.) немедленно извещать инициатора розыска для срочной постановки перед компетентными органами запрашивающего государства вопроса о направлении ими в Генпрокуратуру уголовных дел и поручений об уголовном преследовании этих лиц на территории России;

– при получении соответствующего поручения прокуратуры субъекта РФ письменно уведомлять содержащееся под стражей лицо о принятом в отношении его Генеральным прокурором или его заместителем решении о выдаче иностранному государству;

– в срок до 10 суток со дня обжалования выдаваемым лицом решения о выдаче направлять в суд субъекта РФ материалы, подтверждающие законность и обоснованность приня-

---

ными нанести ущерб ее безопасности _____ 21. Преследуется ли по политическим мотивам, в чем это выражается _____ Правильность записанных при опросе сведений о себе подтверждаю задержанный _____ дата _____ подпись _____ Заключение территориального прокурора о возможности выдачи задержанного запрашивающей стороне либо невозможности выдачи в связи с выявленными препятствиями _____ Опросил (Ф.И.О.) _____ (должность) _____ Дата _____ Подпись _____

того решения, и уведомлять прокуратуру субъекта РФ о направлении в соответствующий суд жалобы и материалов, подтверждающих обоснованность принятого решения;

– в целях усиления надзора за своевременным исполнением решений о выдаче незамедлительно докладывать о каждом случае невыполнения или несвоевременного их исполнения, а также освобождения задержанных лиц, в том числе судом, в отдел экстрадиции международно-правового управления Генпрокуратуры.

Прокуроры субъектов Российской Федерации обязаны:

– систематически проверять законность принимаемых территориальными прокурорами решений об освобождении лиц, не подлежащих выдаче другим государствам;

– при получении от территориальных прокуроров материалов экстрадиционных проверок в отношении задержанных лиц проверять полноту проведения проверочных мероприятий, обоснованность выводов о гражданской принадлежности задержанных, наличии препятствий к выдаче и в течение 3 дней направлять эти материалы в международно-правовое управление Генпрокуратуры со своими заключениями по указанным вопросам;

– при получении из Генпрокуратуры по каналам быстрой связи сообщений о принятии Генеральным прокурором или его заместителем решения о выдаче задержанного обеспечивать через территориальных прокуроров незамедлительное (в течение 24 часов) письменное уведомление его о данном решении;

– в случае обжалования выдаваемым лицом решения о выдаче обеспечивать совместно с территориальными прокурорами представление в суд пакета необходимых документов, подтверждающих законность и обоснованность принятого решения, а также участие прокурора при рассмотрении судом жалобы на решение о выдаче;

– при вынесении судом определения об отмене решения о выдаче незамедлительно по каналам быстрой связи представлять заместителю Генерального прокурора, работающему в соответствующем федеральном округе, проект жалобы на состоявшееся судебное решение в кассационную инстанцию Верховного Суда РФ, учитывая при этом, что жалоба заместителя Генерального прокурора приносится в течение 7 суток через суд, вынесший обжалуемое судебное решение;

– при поступлении ходатайств о выдаче одного и того же лица от нескольких иностранных государств направлять Генеральному прокурору или его заместителю аргументированные предложения о том, какое из них подлежит удовлетворению.

На отделы Генеральной прокуратуры в федеральных округах возлагаются:

– обеспечение обжалования в кассационную инстанцию Верховного Суда РФ незаконных или необоснованных судебных определений об отмене решений Генерального прокурора или его заместителя о выдаче в течение 7 суток со дня их вынесения;

– представление копий жалоб на незаконные или необоснованные определения судов и состоявшихся судебных решений в международно-правовое управление Генпрокуратуры.

Поддержание в кассационной инстанции Верховного Суда жалоб заместителей Генерального прокурора, работающих в федеральных округах, на необоснованные определения нижестоящих судов о признании решений об экстрадиции незаконными и их отмене возложено на Управление Генпрокуратуры по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами. Копии решений кассационной инстанции Верховного Суда по указанным жалобам должны направляться в международно-правовое управление Генпрокуратуры.

Международно-правовое управление Генеральной прокуратуры обязано при удовлетворении запроса о выдаче своевременно принимать меры к уведомлению запрашивающей стороны, задержанного лица (через прокурора субъекта РФ), заинтересованных федеральных ведомств о принятом решении, давать поручения об организации передачи выдаваемого лица представителям правоохранительных органов запрашивающего государства. Если же ходатайство о выдаче не подлежит удовлетворению, Управление готовит проект уведомления об этом

для направления компетентному органу запрашивающего государства с указанием мотивов отказа.

Отдав должное национальному законодательству, в котором формулируется экстрадиционная политика, условия безоговорной выдачи и т. п., все же констатируем, что нормы о выдаче, предусмотренные в праве отдельных стран, не могут иметь обязывающей силы для других стран, пока не будут закреплены в соглашении между ними, т. е. не приобретут качества международно-правовой нормы, обязательной для заключивших договор сторон. Поэтому условия и порядок выдачи во многом регламентируются и международными договорами. При этом несоответствие указанным нормам национального законодательства не освобождает государство от выполнения международных обязательств, в целях реализации которых оно обязано находить такие способы разрешения данной коллизии, которые отвечали бы получившему всеобщее признание принципу добросовестного, полнообъемного выполнения обязательств по международному праву (*pacta sunt servanda*).

Констатация связанности российской власти в вопросах экстрадиции не только внутренним, но и международным правом тем более важна, что, рассматривая общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации в качестве составной части ее правовой системы, Конституция РФ вместе с тем закрепляет их приоритет над внутригосударственным правом, указывая, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 15).

§ 3. Международно-правовое регулирование выдачи преступников

Договор, как едва ли не главная юридическая форма, определяющая права и обязанности субъектов развитого гражданского общества, в принципе не может быть источником уголовного права – права публичного по своей природе. В нем не может быть места соглашениям государственных органов с преступниками, хотя в недалеком смутном времени и звучали в средствах массовой информации обращенные к власти призывы некоторых политиков и деятелей искусства «договориться» с организованной преступностью.

Однако договор остается главнейшим источником формирования международного уголовного права. В соответствии со ст. 2 Венской конвенции «О праве международных договоров» 1969 г. под ним понимается международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.⁹³

Схожее определение дается и в Федеральном законе от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации», в соответствии со ст. 2 которого международный договор РФ означает «международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования»⁹⁴.

Согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» все международные договоры делятся на *межгосударственные* (заключаемые от имени самой Российской Федерации), *межправительственные* (заключаемые от имени Правительства РФ) и договоры *межведомственного* характера (совершаемые от имени федеральных органов исполнительной власти).

Последние два типа юридических актов не признаются ныне формальными актами договорно-правового обоснования экстрадиции, хотя в свое время для урегулирования отдельных аспектов экстрадиционных отношений использовались в той или мере все указанные формы юридических актов, независимо от их вида и наименования (договор, соглашение, конвенция, протокол и т. п.).

Что касается собственно межгосударственных договоров, выступающих в качестве юридической основы экстрадиции, то они могут быть как двусторонними, так и многосторонними.

В свою очередь, в числе многосторонних договоров можно выделить три типа: а) договоры, посвященные исключительно выдаче преступников; б) договоры, затрагивающие вопросы оказания разносторонней правовой помощи, в том числе и по вопросам экстрадиции; в) договоры, касающиеся общих проблем борьбы с преступлениями международного характера и международными преступлениями, в том числе и обязательств их участников по выдаче (экстрадиции) обвиняемых или осужденных за предусматриваемые ими преступления лиц.

Таким образом, с учетом исторических, юридических и прочих соображений, обусловленных задачами настоящей работы, представляется возможным упорядочить договорные

⁹³ Конвенция вступила в силу 27 января 1980 г. Россия является ее участницей с 29 апреля 1986 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772). Текст см.: Международное публичное право: Сборник документов в 2 томах. Т. 1. М., 1996.

⁹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757. В соответствии со ст. 1 указанного Закона он распространяется не только на международные договоры Российской Федерации, но и на международные договоры, в которых Российская Федерация является стороной в качестве государства – продолжателя СССР.

основания, на которых осуществляется сотрудничество в целях реализации требований национального законодательства о выдаче, в следующей последовательности:

- 1) двусторонние договоры о выдаче;
- 2) многосторонние экстрадиционные соглашения;
- 3) двусторонние и многосторонние договоры о правовой помощи, в которых содержатся специальные разделы об обеспечении выдачи;
- 4) региональные и глобальные договоры о борьбе с преступлениями международного характера, содержащие положения о выдаче;
- 5) договоры о борьбе с международными преступлениями, содержащие положения об экстрадиции;
- 6) двусторонние и многосторонние межправительственные и межведомственные соглашения о розыске и выдаче лиц.

Благодаря такому упорядочению более четкой представляется задача построения многоуровневой и всеобъемлющей системы экстрадиционного сотрудничества. В частности, в декларации ООН о преступности и общественной безопасности от 12 декабря 1996 г.⁹⁵ Генеральная Ассамблея, ссылаясь на Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности, призвала государства взаимно сотрудничать в борьбе с организованной преступностью на двусторонней, региональной, многосторонней и глобальной основе, в том числе посредством заключения в соответствующих случаях соглашений о взаимной юридической помощи, в целях содействия выявлению, задержанию и преследованию лиц, которые совершают опасные транснациональные преступления или каким-либо иным образом несут за них ответственность, а также введения в максимально возможной степени эффективной процедуры выдачи или преследования лиц, участвующих в опасных транснациональных преступлениях, с тем чтобы эти лица «не находили себе никакого безопасного убежища» (ст. 3).⁹⁶

а) Двусторонние договоры о выдаче

К числу межгосударственных соглашений, определяющих условия и порядок экстрадиции, прежде всего следует отнести двусторонние договоры о выдаче, получившие исторический приоритет. О необходимости такого рода соглашений говорится и в Типовом договоре о выдаче.

В настоящее время в мире существует огромное количество двусторонних договоров об экстрадиции. По данным секретариата ООН, на 1970 г. их насчитывалось около 1500.⁹⁷

После означенной даты их перечень пополнился экстрадиционными соглашениями, заключенными между Германией и Югославией (1970), США и Аргентиной (1972), Италией и Австралией (1973), Испанией и Мексикой (1978), Бельгией и Норвегией (1981), Италией и США (1983), Ирландией и США (1983), Бельгией и Австралией (1985), Германией и Австралией (1987), Испанией и Австралией (1987), США и Филиппинами (1994), США и Боливией (1995), США и Малайзией (1995), Зимбабве и США (1995), Барбадосом и США (1996), США и Кипром (1996), США и Люксембургом (1996), США и Польшей (1996), США и Францией (1996), США и Индией (1997), США и Австрией (1998), США и Южной Кореей (1998),

⁹⁵ Утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г.

⁹⁶ Международные стандарты деятельности правоохранительных органов и уголовно-исполнительной системы. Сборник документов. Екатеринбург, 1999. Определенные обязательства по задержанию и судебному преследованию или выдаче лиц, совершивших террористические акты, а также по заключению с этой целью соответствующих соглашений вытекают также из Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 г. Одобрена резолюцией 49 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1994 г., А/49/60 (текст см.: Действующее международное право: В 3 т. М., 1996. Т. 3).

⁹⁷ Shearer I. A. Extradition in international law. Manchester, 1971. P. 35.

Австралией и Аргентиной (1988), Бразилией и Испанией (1988), Мексикой и Белизом (1988 г.) и др.

Лидирующее место в ряду указанных стран занимают США, поддерживающие экстрадиционные взаимоотношения более чем со 100 странами. Объясняется это тем, что до принятия Закона 1982 г. об экстрадиции практика США основывалась исключительно на двусторонних договорах.

Российская международно-правовая база сотрудничества по вопросам экстрадиции состоит из договоров о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, заключенных как СССР, так и самой Российской Федерацией. В дополнение к тем договорам, участником которых стал в свое время Советский Союз и которые Россия «унаследовала» в порядке правопреемства, она подписала в период с 1991 г. еще ряд соглашений, предусматривающих выдачу. В итоге на сегодняшний день ее партнерами по двусторонним договорно-экстрадиционным отношениям являются: Азербайджан,⁹⁸ Албания,⁹⁹ Алжир,¹⁰⁰ Болгария,¹⁰¹ Бразилия,¹⁰² Венгрия,¹⁰³ Вьетнам,¹⁰⁴ Греция,¹⁰⁵ Грузия,¹⁰⁶ Индия,¹⁰⁷ Ирак,¹⁰⁸ Иран,¹⁰⁹ Италия, Йемен,¹¹⁰ Кипр,¹¹¹

---

⁹⁸ Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 22 декабря 1992 г.). Вступил в силу 20 января 1995 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 11. Ст. 1598).

⁹⁹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Албания о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Тирана, 30 октября 1995 г.) // Сборник международных договоров по оказанию правовой помощи. М., 1996.

¹⁰⁰ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Алжирской Народной Демократической Республикой о взаимном оказании правовой помощи (Алжир, 23 февраля 1982 г.). Вступил в силу 29 марта 1984 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1984. № 15. Ст. 213).

¹⁰¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 19 февраля 1975 г.). Вступил в силу 19 января 1976 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 8. Ст. 133).

¹⁰² Договор между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче (Москва, 14 января 2002 г.).

¹⁰³ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 15 июля 1958 г.). Вступил в силу 4 января 1959 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 35. Ст. 423). См. также: Протокол об изменениях и дополнениях к настоящему договору, подписанный в Будапеште 19 октября 1971 г. и вступивший в силу 23 июня 1972 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1972. № 28. Ст. 245).

¹⁰⁴ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 10 декабря 1981 г.). Вступил в силу 11 октября 1982 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 44. Ст. 287).

¹⁰⁵ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Греческой Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Афины, 21 мая 1981 г.). Вступил в силу 1 сентября 1982 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 45. Ст. 839).

¹⁰⁶ Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Тбилиси, 15 сентября 1995 г.).

¹⁰⁷ Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче (Дели, 21 декабря 1998 г.). Ратифицирован Федеральным законом от 8 апреля 2000 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 15).

¹⁰⁸ Договор о взаимном оказании правовой помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Иракской Республикой (Москва, 22 июня 1973 г.). Вступил в силу 22 апреля 1974 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1974. № 19. Ст. 293).

¹⁰⁹ Договор между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Тегеран, 5 марта 1996 г., что соответствует 15 эфанда 1374 года хиджры). Вступил в силу 16 июля 2000 г. (Бюллетень международных договоров. 2001. № 1).

¹¹⁰ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Демократической Республикой Йемен о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Москва, 6 декабря 1985 г.). Вступил в силу 24 октября 1986 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 48, Ст. 1010). В настоящее время правопреемником НДРЙ является Йеменская Республика.

¹¹¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Москва, 19 января 1984 г.). Вступил в силу 27 марта 1987 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 15. Ст. 199).

Китай,¹¹² Корея,¹¹³ Куба,¹¹⁴ Кыргызстан,¹¹⁵ Латвия,¹¹⁶ Литва,¹¹⁷ Мали,¹¹⁸ Молдова,¹¹⁹ Монголия,¹²⁰ Польша,¹²¹ Румыния,¹²² Тунис,¹²³ Финляндия,¹²⁴ Чехия,¹²⁵ Эстония,¹²⁶ Югославия.¹²⁷

Согласно общему правилу, в двусторонних договорах закрепляется положение, в соответствии с которым стороны обязуются по просьбе выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения в исполнение приговора.

Отсутствие договорно-правового оформления экстрадиционных отношений с другими странами, безусловно, сдерживает практику сотрудничества государств – участников двусто-

---

¹¹² Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче (Москва, 26 июня 1995 г.). Вступил в силу 10 января 1997 г. (Бюллетень международных договоров. 1999. № 6).

¹¹³ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Пхеньян, 16 декабря 1957 г.). Вступил в силу 5 марта 1958 г. и применяется по заявлению России в части, не противоречащей ее Конституции (Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 5. Ст. 93).

¹¹⁴ Договор между Российской Федерацией и Республикой Куба о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Гавана, 14 декабря 2000 г.).

¹¹⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Бишкек, 14 сентября 1992 г.). Вступил в силу 25 февраля 1994 г. (Бюллетень международных договоров. 1995. № 3).

¹¹⁶ Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Рига, 3 февраля 1993 г.). Вступил в силу 29 марта 1995 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1932).

¹¹⁷ Договор между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Вильнюс, 21 июля 1992 г.). Вступил в силу 22 января 1995 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1712).

¹¹⁸ Договор между Российской Федерацией и Республикой Мали о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 31 августа 2000 г.).

¹¹⁹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 25 февраля 1993 г.). Вступил в силу 25 января 1995 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 20. Ст. 1766).

¹²⁰ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой о взаимном оказании правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Улан-Батор, 23 сентября 1988 г.). Вступил в силу 12 ноября 1990 г.

¹²¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам (Варшава, 16 сентября 1996 г.). Вступил в силу 18 января 2002 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7).

¹²² Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Румынской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 3 апреля 1958 г.). Вступил в силу 19 сентября 1958 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 21. Ст. 329).

¹²³ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Тунисской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (Москва, 26 июня 1984 г.). Вступил в силу 13 июня 1986 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 28. Ст. 525).

¹²⁴ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой о правовой защите и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам с дополняющим его Протоколом (Хельсинки, 11 августа 1978 г.). Вступил в силу 9 августа 1980 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 34. Ст. 690).

¹²⁵ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 12 августа 1982 г.). Вступил в силу 4 июня 1983 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1983. № 29. Ст. 451). В настоящее время данный Договор действует в отношении между Российской Федерацией и Чешской Республикой (см.: Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Чешской Республики об инвентаризации договорно-правовой базы и действии двусторонних договоров и соглашений в отношении между Российской Федерацией и Чешской Республикой от 18 июля 1997 г.).

¹²⁶ Договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 26 января 1993 г.). Вступил в силу 19 марта 1995 г. (Правовая помощь по международным договорам России со странами СНГ и Балтии. М., 1994).

¹²⁷ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Народной Республикой Югославией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (Москва, 24 февраля 1962 г.). Вступил в силу 26 мая 1963 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 21. Ст. 236). Позднее правопреемником СФРЮ стала Союзная Республика Югославия.

ронного соглашения в борьбе с преступностью. Вместе с тем, если каждая страна мира заключила бы экстрадиционный договор со всеми остальными, то общее их число составило бы несколько десятков тысяч. Поэтому в договорной практике уже давно отчетливо просматривается тенденция перехода от двусторонних к многосторонним соглашениям.

б) Многосторонние экстрадиционные соглашения

Второе место в иерархии международных экстрадиционных соглашений по праву занимают многосторонние договоры регионального характера, поскольку, как отмечает И. И. Лукашук, «исторически региональные системы предшествовали глобальной системе. Соответственно и нормативное регулирование развивалось на региональной основе».¹²⁸ Поэтому наряду с двусторонними договорами некоторые государства создали на основе имеющихся факторов сближения (географическая близость, экономическая, политическая и культурная взаимосвязь, общность стратегических интересов и т. и.) новую экстрадиционную схему, принявшую форму многосторонних конвенций субрегионального или регионального масштаба. При этом, обобщая уже имеющуюся практику отдельных государств в вопросах экстрадиции, указанные конвенции существенно продвинули отношения в данной области, способствуя формированию единого экстрадиционного пространства на том или ином континенте. Фактически на сегодняшний день такие региональные системы реализации института выдачи созданы по всему миру.

Однозначно отнести имеющиеся договоры к той или иной категории не так уж просто, и все же типичными примерами многосторонних *субрегиональных договоров* об экстрадиции могут служить:

Азиатско-Африканская конвенция о выдаче 1961 г.¹²⁹

Нордический договор о выдаче, заключенный в 1962 г. такими расположенными на севере Европы странами, как Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция;

Конвенция об экстрадиции и правовой помощи по уголовным делам между странами Бенилюкса, подписанная 27 июня 1962 г. Бельгией, Нидерландами и Люксембургом;

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, которую 22 января 1993 г. в г. Минске подписали такие вошедшие в Содружество Независимых Государств экссоюзные республики, как Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина, а 11 июля 1996 г. к ним присоединились Азербайджан и Грузия.¹³⁰ 28 марта 1997 г. в г. Москве теми же государствами (за исключением Туркменистана) был подписан Протокол к настоящей Конвенции (Грузией, Молдовой и Украиной – с оговорками), которым государства-участники договорились внести в указанную Конвенцию ряд изменений и дополнений.¹³¹

Важнейшими среди многосторонних *договоров общерегионального уровня* являются:

Договор об экстрадиции Лиги арабских государств, подписанный 14 сентября 1952 г. такими странами, как Египет, Ирак, Иордания, Саудовская Аравия и Сирия;

Межамериканская конвенция об экстрадиции 1981 г., подписанная в Каракасе;¹³²

¹²⁸ Лукашук И. И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М., 1997. С. 145.

¹²⁹ Asian-African Legal Consultative Committee. Fourth Session. Tokyo; New Delhi, 1961.

¹³⁰ Ратифицирована Федеральным законом от 4 августа 1994 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 15. Ст. 1684) и вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г. (текст см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1472).

¹³¹ Протокол к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. вступил в силу 17 сентября 1999 г. Ратифицирован Федеральным законом от 8 октября 2000 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 41).

¹³² Treaty Series. Vol. 1752. New York: United Nations. 2000. P. 177–235.

Европейская конвенция о выдаче, заключенная 13 декабря 1957 г. в Париже, подписанная более чем тридцатью государствами Европы и Израилем и вступившая в силу 18 апреля 1960 г.,¹³³ после чего в Страсбурге 15 октября 1975 г. к ней был принят Дополнительный протокол, а 17 марта 1978 г. – Второй дополнительный протокол, уточнившие и дополнившие названную Конвенцию по ряду вопросов.¹³⁴

Отдавая должное вкладу, внесенному последней Конвенцией в процесс создания европейской региональной системы экстрадиции, нельзя не отметить также, что свое развитие этот процесс получил в ряде последующих договорных актов по той же проблематике. Таковыми явились Конвенция об обмене лиц, совершивших преступления (Страсбург, 1983); соглашение между членами Европейского Сообщества о толковании принципа *aut dedere, aut judicare* (Брюссель, 1987); Соглашение о передаче лиц, совершивших преступления (Брюссель, 1987); Конвенция о сотрудничестве в борьбе с международными преступлениями (Брюссель, 1991); Конвенция об упрощенной процедуре выдачи (1995 г.); Конвенция по проблемам выдачи (1996 г.).

Особняком в ряду названных соглашений стоит План по передаче находящихся в розыске правонарушителей в пределах Содружества Наций, выработанный в ходе встречи министров юстиции государств – членов Содружества в апреле-мае 1966 г. в Лондоне, которые достигли договоренности о том, чтобы положить его в основу согласующихся друг с другом внутригосударственных актов по комплексному регулированию выдачи преступников. Особенность данного документа предопределяется тем, что ныне действующее межгосударственное образование, именуемое Содружеством Наций, географически охватывает собой государства, расположенные на пяти континентах, различающиеся религиями и социальными системами, но объединенные некогда в Британское Содружество Наций на правах доминионов. Поэтому установленный в рамках Содружества Наций единый конвенционный режим регулирования выдачи образует единственную систему экстрадиции, объединяющим критерием которой является не географический принцип учреждения, а общее метропольно-колониальное прошлое и схожесть сформировавшейся в этом прошлом правовой системы, в основе которой лежит английское «общее право» (*Common Law*).

Вобрав в себя основные черты Закона Великобритании 1881 г. о находящихся в розыске правонарушителях, регламентирующего розыск беглых преступников внутри Британской империи, указанный План представляет собой уже не внутригосударственный акт английского парламента, а международный договорно-правовой акт.

Что касается институционального закрепления процедуры выдачи преступников в сфере взаимоотношений между другой в прошлом колониальной державой – Францией и государствами, некогда бывшими ее колониями в Африке, то в рамках Союза между ними был подписан ряд двусторонних договоров о правовой помощи. В целом они следуют уже выработанным стандартам сотрудничества в этой сфере, устанавливая в единообразном варианте общеизвестные экстрадиционные правила.

---

¹³³ Как явствует из преамбулы к данному соглашению, его участниками являются прежде всего государства – члены Совета Европы, которые подписали его, руководствуясь целью достижения большего единства между его членами и считая, что этой цели можно достичь путем совместных действий в правовых вопросах, а также полагая, что принятие единообразных норм в отношении выдачи будет содействовать этой работе по унификации. Однако соглашение наделило Комитет министров Совета Европы правом «пригласить государство, не являющееся членом Совета, присоединиться к настоящей Конвенции при условии, что резолюция, содержащая такое приглашение, получит единогласное одобрение членов Совета, ратифицировавших Конвенцию» (п. 1 ст. 30). Текст Европейской конвенции о выдаче 1957 г. см.: Защита прав человека и борьба с преступностью. М., 1998.

¹³⁴ Указанные документы были подписаны Российской Федерацией 7 ноября 1996 г. в Страсбурге с рядом оговорок и заявлений, ратифицированы Федеральным законом от 25 октября 1999 г. «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 43. Ст. 5129) и вступили в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 г. (текст см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 23. Ст. 2347, 2348).

Представленный обзор нормативно-договорной базы двустороннего, субрегионального и регионального уровней показывает, что нормы экстрадиционного права могут включаться в виде отдельных разделов в договоры о взаимной правовой помощи комплексного характера, но могут оформляться и в специальные экстрадиционные соглашения.

в) Договоры о правовой помощи

Исторически сложилось так, что в советской системе права роль основных источников экстрадиционных норм заняли многоформатные двусторонние договоры о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. В отличие от экстрадиционных соглашений, которые регулируют лишь вопросы выдачи преступников, указанные договоры охватывают оказание помощи по различным отраслям права, а по объему оказываемой помощи являются исключительно широкими, включая в себя самые различные аспекты сотрудничества, начиная с исполнения поручений по осуществлению уголовного преследования и заканчивая исполнением наказаний, назначенных по приговорам иностранных судов.

В количественном отношении доминирующее значение многопрофильных договоров о правовой помощи продолжает сохраняться. И все же нельзя не заметить, что, несмотря на тесную связь положений о выдаче с другими вопросами взаимной помощи по уголовным делам, последние составляют все же достаточно специфический предмет регламентации.

Обычно регламентация правовой помощи по уголовным делам распространяется на запросы, касающиеся определения местонахождения и идентификации лиц и предметов; составления, пересылки и вручения судебных повесток, постановлений и прочих документов; предоставления информации, включая материалы судопроизводства и материалы государственных учреждений; производства обыска, изъятия и передачи вещественных доказательств; получения свидетельских показаний и заявлений от лиц; временной передачи лиц, содержащихся под стражей в запрашиваемом государстве, для дачи свидетельских показаний или оказания иной помощи в проведении расследований запрашивающему государству; приглашения иных лиц для участия в судебном разбирательстве в качестве свидетелей или экспертов; установления местонахождения, наложения ареста, отыскания и изъятия доходов, полученных в результате преступления; исполнения приговоров в части гражданского иска и прочих прежде всего процессуальных действий, выполняемых учреждениями юстиции договаривающихся сторон в интересах друг друга.¹³⁵

Вопросы же выдачи лиц для привлечения их к уголовной ответственности или приведения в исполнение приговора настолько специфичны, что соглашения о правовой помощи обычно их не касаются. Примером тому служит Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам, заключенная в Страсбурге 20 апреля 1959 г. под эгидой Совета Европы, к которой 17 марта 1978 г. в том же Страсбурге был принят Дополнительный протокол, уточнивший и дополнивший ее по ряду вопросов. В п. 2 ст. 1 названной Конвенции содержится специальная оговорка о том, что она «не применяется к задержанию, исполнению приговоров, а также к воинским преступлениям, которые не являются таковыми согласно общему уголовному праву».¹³⁶

---

¹³⁵ Например, для целей Договора между Россией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам под нею «понимается любая правовая помощь, оказываемая Запрашиваемой Стороной в сфере расследования или иных процессуальных действий по уголовному делу в пределах юрисдикции Запрашивающей Стороны».

¹³⁶ Вступил в силу 12 апреля 1982 г. (См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998). Указанные документы были подписаны Российской Федерацией 7 ноября 1996 г. (г. Страсбург), ратифицированы Федеральным законом от 25 октября 1999 г. «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 43. Ст. 5132) и вступили в силу 9 марта 2000 г. (текст см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 23. Ст. 2349).

Тенденция к обособлению соглашений о выдаче наблюдается и в России. Свидетельством тому служат заключенные ею в последние годы два специальных экстрадиционных соглашения (с Индией и Китаем),¹³⁷ посвященные исключительно вопросам выдачи, и договор с Канадой о правовой помощи, в котором, напротив, не затрагиваются вопросы экстрадиции.¹³⁸

Симптоматично, что указанные вопросы достаточно определенно «разводятся» также в Типовом договоре о выдаче и Типовом договоре о взаимной помощи в области уголовного правосудия. Сфера применения последнего касается лишь проведения расследований или судебных разбирательств в отношении правонарушений, наказание за которые во время получения просьбы о помощи подпадало под юрисдикцию судебных органов запрашивающего государства, в связи с чем в п. 3 ст. 1 Договора специально оговаривается, что он не применяется в отношении: а) ареста или задержания любого лица с целью его выдачи; б) обеспечения исполнения в запрашиваемом государстве судебных решений, вынесенных в запрашивающем государстве; в) передачи заключенных для отбывания наказания; г) передачи разбирательств по уголовным делам.

г) Договоры о борьбе с преступлениями международного характера

На *глобальном уровне* вопросы экстрадиции решаются в конвенциях о борьбе с отдельными видами преступлений международного характера. К числу соглашений, посвященных борьбе с такого рода преступлениями, относятся:

Международная конвенция по охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г.;¹³⁹ Международная конвенция для объединения некоторых правил относительно столкновения судов от 23 сентября 1910 г.;¹⁴⁰ Международная конвенция для объединения некоторых правил относительно оказания помощи и спасания на море от 23 сентября 1910 г.;¹⁴¹ Конвенция о международной охране котиков от 7 июля 1911 г.;¹⁴² Конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими от 12 сентября 1923 г.;¹⁴³ Конвенция относительно рабства 1926 г.;¹⁴⁴ Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков от 20 апреля 1929 г.;¹⁴⁵ Конвенция № 29 о принудительном или обязательном труде от 28 июня 1930 г.;¹⁴⁶ Договор о борьбе с распространением порнографических изданий от 4 мая 1910 г. с изменениями от 4 мая 1949 г.;¹⁴⁷ Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 21 марта 1949 г.;¹⁴⁸ Международная конвен-

¹³⁷ См.: Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче от 21 декабря 1998 г. и Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче от 26 июня 1995 г.

¹³⁸ См.: Договор между Российской Федерацией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Москва, 20 октября 1997 г.). Ратифицирован Федеральным законом от 27 мая 2000 г., вступил в силу 18 декабря 2000 г.

¹³⁹ Сборник международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания. М., 1959. С. 220–222.

¹⁴⁰ Там же. С. 188–191.

¹⁴¹ Там же. С. 168–171.

¹⁴² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIII. М., 1970.

¹⁴³ Сборник действующих договоров Вып. IX. М., 1955. С. 100–107.

¹⁴⁴ Сборник действующих договоров... Вып. XVII. М., 1960. С. 274–279.

¹⁴⁵ Вступила в силу для Союза ССР с 17 января 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1932. № 6. Сборник действующих договоров М., 1933. Вып. VII. С. 40–53.

¹⁴⁶ Сборник действующих договоров... Вып. XIX. М., 1960. С. 219–232.

¹⁴⁷ Сборник действующих договоров Вып. XIV. М., 1957. С. 211–215.

¹⁴⁸ Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 9 ноября 1954 г. // Сборник действующих договоров Вып. XVI. М., 1957. С. 280–289.

ция по унификации некоторых правил, относящихся к уголовной юрисдикции по вопросу о столкновении судов и других происшествий, связанных с судоходством, от 10 мая 1952 г.,¹⁴⁹ Международная конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью от 12 мая 1954 г. (с поправками 1962, 1969 и 1971 гг.);¹⁵⁰ Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 г.;¹⁵¹ Конвенция № 105 об упразднении принудительного труда от 25 июня 1957 г.;¹⁵² Единая конвенция о наркотических средствах от 30 марта 1961 г. и Протокол 1972 г. о внесении изменений в нее;¹⁵³ Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г.; Международная конвенция относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью, от 29 ноября 1969 г.;¹⁵⁴ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря 1970 г.;¹⁵⁵ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 23 сентября 1971 г.¹⁵⁶ с дополняющим ее Протоколом о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, от 24 февраля 1988 г.;¹⁵⁷ Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, от 2 февраля 1971 г.;¹⁵⁸ Конвенция о психотропных веществах от 21 февраля 1971 г.;¹⁵⁹ Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов от 29 декабря 1972 г.;¹⁶⁰ Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, от 3 марта 1973 г.;¹⁶¹ Конвенция о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в Балтийском море и Бельтах от 13 октября 1973 г.;¹⁶² Договор о сохранении белых медведей от 15 ноября 1973 г.;¹⁶³ Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г.;¹⁶⁴ Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 г.;¹⁶⁵ Международная конвенция о взаимном административном содействии в предотвращении, расследовании и пресечении таможенных правонарушений от 9 июня 1977 г.;¹⁶⁶ Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13 ноября 1979 г.;¹⁶⁷ Международная конвенция о борьбе с

¹⁴⁹ Морское право и практика: Информационный сборник ЦНИИМФ. Вып. 40. 1959. С. 53–55.

¹⁵⁰ Международное право в документах. М., 1982. С. 599–601.

¹⁵¹ Сборник действующих договоров... Вып. XIX. М., 1960. С. 146–153.

¹⁵² Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. С. 230–232.

¹⁵³ Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 14 декабря 1963 г. // Сборник действующих договоров Вып. XXIII. М., 1970. С. 105–131.

¹⁵⁴ Международное право в документах. М., 1982. С. 97–106.

¹⁵⁵ Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 4 августа 1971 г. // Сборник действующих договоров Вып. XXVII. М., 1974. С. 292–296.

¹⁵⁶ Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 27 декабря 1972 г. // Сборник действующих договоров... Вып. XXIX. М., 1975. С. 90–95.

¹⁵⁷ Сборник действующих договоров... Вып. XLV. М., 1991. С. 434–436.

¹⁵⁸ Сборник действующих договоров Вып. XXXIII. М., 1979. С. 462–466.

¹⁵⁹ Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 26 декабря 1978 г. // Сборник действующих договоров Вып. XXXV. М., 1981. С. 416–434.

¹⁶⁰ Международное право в документах. М., 1982. С. 601–605.

¹⁶¹ Сборник действующих договоров Вып. XXXII. М., 1978. С. 549–552.

¹⁶² Сборник действующих договоров Вып. XXV. М., 1981. С. 236–241.

¹⁶³ Сборник действующих договоров Вып. XXXII. М., 1978. С. 563–565.

¹⁶⁴ Сборник действующих договоров... Вып. XXXIII. М., 1979. С. 90–94.

¹⁶⁵ Международное право в документах. М., 1982.

¹⁶⁶ Вступила в силу для России с 13 марта 1995 г.

¹⁶⁷ Международное право в документах. М., 1982. С. 609–613.

захватом заложников от 17 декабря 1979 г.;¹⁶⁸ Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики от 20 мая 1980 г.;¹⁶⁹ Конвенция о физической защите ядерного материала от 3 марта 1980 г.;¹⁷⁰ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.;¹⁷¹ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, и Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, от 10 марта 1988 г.;¹⁷² Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.;¹⁷³ Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения от 1 марта 1991 г.; Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала от 9 декабря 1994 г.;¹⁷⁴ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г.;¹⁷⁵ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г.;¹⁷⁶ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.¹⁷⁷ с дополняющими ее Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее,¹⁷⁸ Протоколом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху¹⁷⁹ и Протоколом против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему.¹⁸⁰

К числу других конвенционных актов, направленных на пресечение конкретных деяний международного характера, но уже на *региональном уровне*, относятся:

Конвенция Организации американских государств о предупреждении и наказании за совершение актов терроризма, принимающих форму преступлений против лиц, и связанного с этим вымогательства, когда такие акты носят международный характер, 1971 г.; Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 января 1977 г.);¹⁸¹ Европейская кон-

¹⁶⁸ Сборник действующих договоров... Вbin.XLIII. М., 1989. С. 99–105.

¹⁶⁹ Сборник международных соглашений СССР по вопросам рыболовства и рыбохозяйственных исследований. М., 1981. С. 36–46.

¹⁷⁰ Сборник действующих договоров... Вbin.XLIII. М., 1989. С. 105–115.

¹⁷¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45. Ст. 745.

¹⁷² Ратифицированы Федеральным законом от 6 марта 2001 г. (Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 48). Вступили в силу для Российской Федерации 2 августа 2001 г. Текст см.: Советский ежегодник морского права. М., 1989. С. 154–161.

¹⁷³ Ратифицирована Верховным Советом СССР 9 октября 1990 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 42. Ст. 842.

¹⁷⁴ Ратифицирована Федеральным законом от 16 апреля 2001 г. Для Российской Федерации Конвенция вступила в силу 25 июля 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 34.

¹⁷⁵ Ратифицирована Федеральным законом от 13 февраля 2001 г. Вступила в силу для Российской Федерации 7 июня 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 35.

¹⁷⁶ Россия подписала Конвенцию 3 апреля 2000 г. с заявлением (Распоряжение Президента РФ от 24 марта 2000 г. № 89-рп) // Московский журнал международного права. 2001. № 1.

¹⁷⁷ Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000 г. Россия подписала Конвенцию 12 декабря 2000 г. (Распоряжение Президента РФ от 9 декабря 2000 г. № 556-рп). Ратифицирована Федеральным законом от 26 апреля 2004 г.

¹⁷⁸ Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000 г.

¹⁷⁹ Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000 г.

¹⁸⁰ Утвержден Резолюцией 55/255 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 мая 2001 г. Текст см.: Международное публичное и частное право. М., 2001. № 3.

¹⁸¹ Вступила в силу в Албании, Австрии, Бельгии, Болгарии, Кипре, Чехии, Дании, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Венгрии, Исландии, Ирландии, Италии, Латвии, Лихтенштейне, Литве, Люксембурге, Мальте, Молдавии, Нидерландах, Норвегии, Польше, Португалии, Румынии, Словакии, Испании, Швеции, Швейцарии, Турции и Великобритании. Ра-

венция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами (Страсбург, 28 июня 1978 г.);¹⁸² Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей (Страсбург, 19 августа 1985 г.);¹⁸³ Европейская конвенция о трансграничном телевидении (Страсбург, 5 мая 1989 г.);¹⁸⁴ Конвенция Совета Европы об «отмывании», выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 8 ноября 1990 г.);¹⁸⁵ Межарабское соглашение о борьбе с терроризмом, подписанное 22 апреля 1998 г. в здании Лиги арабских государств в Каире пятнадцатью арабскими странами, среди которых Египет, Иордания, Йемен, страны Персидского залива, Саудовская Аравия, Тунис, Марокко, Пакистан, Судан и Сомали, и другие региональные соглашения; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.);¹⁸⁶ Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (Шанхай, 15 июня 2001 г.).¹⁸⁷ Европейская конвенция о наказании за дорожно-транспортные преступления¹⁸⁸ и др.

Некоторые из перечисленных соглашений затрагивают вопросы выдачи лиц, обвиняемых в предусмотренных ими преступлениях, в минимальной степени, оговаривая лишь обязанность рассматривать указанные преступления в качестве экстрадиционных. Например, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом говорится, что в отношениях между собой стороны рассматривают данные деяния в качестве преступлений, влекущих выдачу, однако экстрадиционное сотрудничество в ходе реализации настоящей Конвенции они осуществляют в соответствии с международными договорами, участниками которых они являются, и с учетом национального законодательства (ст. 2).

Другие конвенции оговаривают возможность сторон, которые не ставят условием выдачи наличие договора о ней, рассматривать предусматриваемые ими деяния в качестве преступлений, которые могут повлечь взаимную выдачу.¹⁸⁹

В целом же специфика функционирования института экстрадиции в борьбе с преступлениями международного характера такова, что в посвященных им многосторонних конвенциях выдача не рассматривается как обязанность того государства, которому адресовано требование о ней. Однако многие из них содержат положения о том, что предусмотренные ими деяния подлежат включению в качестве влекущих выдачу преступлений во все экстрадиционные договоры, которые были или будут заключены между сторонами.

Вместе с тем наличие специального соглашения о выдаче в данном случае не обязательно, ибо государство-участник, обуславливающее выдачу существованием о том договора,

---

тифицирована Федеральным законом от 7 августа 2000 г. и вступила в силу в Российской Федерации с 5 февраля 2001 г. (Текст см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 3).

¹⁸² Судебные приставы и исполнительное производство в законодательстве Российской Федерации. Сборник нормативных документов. Т. 1. М., 1999 (вступила в силу 1 июля 1982 г. В ней участвуют 9 государств).

¹⁸³ Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 1 апреля 1991 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 1.

¹⁸⁴ Правовое поле журналиста. Настольная справочная книга. М., 1997.

¹⁸⁵ См.: Право Совета Европы и Россия: Сборник документов и материалов. Краснодар, 1996.

¹⁸⁶ Россия подписала Конвенцию 27 января 1999 г. (Распоряжение Президента РФ от 25 января 1999 г. № 18-рп).

¹⁸⁷ Московский журнал международного права. 2001. № 4. Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества, в которую вошли шесть государств (Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан), была принята 15 июня 2001 г. Участниками настоящей Конвенции являются Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан.

¹⁸⁸ Вступила в силу 18 июля 1972 года. Россией не ратифицирована.

¹⁸⁹ См.: п. 4 ст. 6 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ; п. 6 ст. 16 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности; п. 3 ст. 27 Европейской конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и др.

при получении просьбы о выдаче от другого государства-участника, с которым оно не связано договорными отношениями, может *при желании* рассматривать саму конвенцию в качестве юридического основания для выдачи лиц, обвиняемых в предусмотренных ею преступлениях. Для этого данное государство должно при сдаче на хранение своей ратификационной грамоты либо документов о принятии, утверждении или присоединении к конвенции сообщить депозитарию о том, будет ли оно использовать эту конвенцию в качестве правового основания для сотрудничества в вопросах выдачи с другими ее участниками.

Поэтому в ряде документов ООН, настоятельно призывающих «стремиться к разработке и эффективному осуществлению международных договоров о выдаче, независимо от того, являются ли они частью многосторонних региональных конвенций или двусторонних договоров», вместе с тем подчеркивается, что при отсутствии двусторонних договоров государствам рекомендуется руководствоваться в вопросах выдачи существующими положениями многосторонних конвенций.¹⁹⁰

Конечно, по детализированности конвенционные положения уступают специализированным экстрадиционным соглашениям. Как правило, конвенции не определяют оснований, по которым просьба о выдаче не удовлетворяется. Редкие исключения сводятся, например, к тому, что положения конвенции не могут интерпретироваться во вред праву убежища¹⁹¹ или не должны быть истолкованы как подразумевающие обязанность выдавать, если имеются веские основания считать, что просьба о выдаче, мотивированная упомянутым в конвенции преступлением, была направлена в целях преследования лица по соображениям, связанным с его расовой, религиозной, национальной или этнической принадлежностью либо политическими взглядами, или что позиции данного лица может быть нанесен ущерб по любой из упомянутых причин,¹⁹² или существуют серьезные основания полагать, что в государстве, которому выдано лицо, ему может угрожать применение пыток.¹⁹³

Однако, во-первых, ничто не мешает более концентрированному насыщению экстрадиционными нормами если не нынешних, то будущих конвенций. А во-вторых, даже в нынешнем виде они регламентируют многие экстрадиционные вопросы практического свойства вплоть до взятия выдаваемого лица под стражу. В частности, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности устанавливает, что при условии соблюдения положений своего внутреннего законодательства и своих договоров о выдаче запрашиваемое государство-участник, убедившись в том, что обстоятельства требуют этого и носят неотложный характер, и по просьбе запрашивающего государства-участника, может взять под стражу находящееся на его территории лицо, выдача которого запрашивается, или принять другие надлежащие меры для обеспечения его присутствия в ходе процедуры выдачи (п. 9 ст. 16).

Таким образом, не существует каких-либо теоретических препятствий для того, чтобы включать рассматриваемые конвенции о борьбе с отдельными видами преступлений международного характера в понятие «международный договор», на основании которого предписывается выдача преступников ст. 63 Конституции и ст. 13 УК РФ. Не существует и непреодолимых препятствий для практического осуществления выдачи со ссылкой на указанные многосторонние соглашения, но при условии соблюдения положений внутреннего законодательства. Благо, такое у России в виде ст. 61, 63 Конституции, ст. 13 УК и ст. 460–468 УПК имеется.

¹⁹⁰ Меры по борьбе с международным терроризмом: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 7 сентября 1990 г. // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992.

¹⁹¹ См., например: ст. 12 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой.

¹⁹² См., например: ст. 9 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, ст. 8 Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

¹⁹³ См., например: ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Те же государства, которые, будучи участниками соответствующей конвенции о преступлениях международного характера, обуславливают выдачу наличием договора, но не используют саму конвенцию в качестве правового основания для сотрудничества в вопросах выдачи, должны стремиться, в надлежащих случаях, к заключению двусторонних и многосторонних экстрадиционных соглашений с другими ее участниками с целью осуществления или повышения эффективности выдачи.

В итоге универсальные конвенции относительно преступлений международного характера предлагают следующую систему приоритетов:

- 1) включение преступлений, на которые они распространяются, в наличные экстрадиционные договоры;
- 2) включение предусмотренных конвенцией преступлений в соглашения, которые будут заключены между сторонами в целях применения ее статей о выдаче;
- 3) использование в вопросах выдачи начал взаимности;
- 4) применение самих конвенций о борьбе с преступлениями международного характера для целей выдачи.

При этом в первых двух случаях выдача должна осуществляться в соответствии с положениями договоров, которые заключены или будут заключены между сторонами, а в других – в соответствии с условиями, предусмотренными внутренним законодательством запрашиваемого государства применительно к выдаче, включая основания, на которых государство может отказать в выдаче.

Последнее обстоятельство тем более важно, что некоторые из конвенций оговаривают возможность применения имеющихся в них статей о выдаче и в отношении не предусматриваемых ими преступлений. В частности, в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности говорится о том, что если просьба о выдаче касается нескольких отдельных серьезных преступлений, некоторые из которых не охватываются ее статьей о выдаче, то запрашиваемое государство-участник может применить настоящую статью также и в отношении этих последних преступлений (п. 2 ст. 16). Решающее значение в таких случаях приобретает условие, согласно которому деяние, в связи с которым запрашивается выдача, является уголовно наказуемым по внутреннему законодательству как запрашивающего, так и запрашиваемого государства – участника Конвенции.

д) Договоры о борьбе с международными преступлениями

Развитие института выдачи лиц, виновных в преступлениях против мира и безопасности человечества, неразрывно связано с созданием механизма международной уголовной юстиции.

Основополагающими документами, возводящими соответствующие действия в ранг *delicta juris gentium*, продолжают оставаться Статут Международного военного трибунала в Нюрнберге, приложенный к Лондонскому соглашению от 8 августа 1945 г., и Устав Токийского международного трибунала. Принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в его приговоре, через несколько недель после его провозглашения были подтверждены Генеральной Ассамблеей ООН.¹⁹⁴ Однако несмотря на то, что указанные международно-правовые акты явились, как уже отмечалось, поворотными для развития международно-правовых норм, касающихся выдачи военных преступников, вопросы экстрадиции в них непосредственно не регулируются.

Наряду с Нюрнбергским правом важнейшим источником ответственности за международные преступления остается право Женевы, включающее в себя четыре известные конвен-

---

¹⁹⁴ См.: Резолюция Организации Объединенных Наций № 95 (1) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского Трибунала» // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября по 15 декабря 1946 года. Нью-Йорк, 1947.

ции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., которые вступили в силу 21 октября 1950 г. и ратифицированы большинством государств, включая СССР.¹⁹⁵ В указанных конвенциях говорится, что каждая из договаривающихся сторон обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых настоящими конвенциями серьезных нарушений, и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду либо, если она этого пожелает, передать их в соответствии с положениями своего законодательства для суда другой заинтересованной договаривающейся стороне в том случае, если последняя имеет доказательства, дающие основания для обвинений этих лиц.¹⁹⁶

В ряде последующих документов, посвященных военным преступлениям, вопросы экстрадиции не затрагиваются. Например, в ст. 28 Гагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. только отмечается, что договаривающиеся стороны обязуются «принимать в рамках своего уголовного законодательства все меры, необходимые для того, чтобы были выявлены и подвергнуты уголовным или дисциплинарным санкциям лица, независимо от их гражданства, нарушившие или приказавшие нарушить настоящую Конвенцию».¹⁹⁷ Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г. также ограничивается возложением на каждое участвующее в ней государство обязанности принимать «любые меры, которые оно сочтет необходимыми в соответствии со своими конституционными процедурами, по запрещению и предотвращению любой деятельности, противоречащей положениям настоящей Конвенции, под его юрисдикцией или под его контролем где бы то ни было» (ст. IV).¹⁹⁸

И лишь Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, принятый Советом Безопасности ООН 25 мая 1993 г., возложил на государства обязанность сотрудничать в вопросах расследования и судебного преследования обвиняемых лиц, включая их выдачу или передачу указанному судебному органу без каких-либо неоправданных задержек (ст. 29). Аналогичные обязательства по оказанию правовой помощи международному судебному органу содержатся в ст. 28 Устава Международного уголовного трибунала по Руанде, принятого Советом Безопасности 8 ноября 1994 г.

Поскольку данные документы фигурируют в решениях Совета Безопасности, которые, согласно ст. 25 Устава ООН, обязательны для всех государств, постольку сформулированные в них определения преступлений и способы разрешения юрисдикционных коллизий, включая экстрадицию, имеют юридическую силу для всех членов ООН. В этой связи значение Устава Трибунала по Югославии для развития экстрадиционного права трудно переоценить. Во-первых, он актуализировал институт экстрадиции в отношении преступлений против мира и без-

¹⁹⁵ Женевские конвенции о защите жертв войны ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР 17 апреля 1954 г. и вступили в силу для СССР 10 ноября 1954 г.

¹⁹⁶ См.: ст. 49 Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; ст. 50 Конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; ст. 129 Конвенции об обращении с военнопленными и ст. 146 Конвенции о защите гражданского населения во время войны. При этом к серьезным нарушениям, упомянутым в указанных статьях, относятся нарушения, связанные с одним из следующих действий, в том случае, если эти действия направлены против лиц или имущества, пользующихся покровительством настоящих Конвенций: преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, депортирование, перемещение и арест покровительствуемого лица либо его принуждение служить в вооруженных силах неприятельской державы или лишение права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, предусмотренное данными Конвенциями, взятие заложников, незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение и присвоение имущества, не вызываемые военной необходимостью.

¹⁹⁷ Вступила в силу для СССР 4 апреля 1957 г. // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993.

¹⁹⁸ Подписана от имени СССР 18 мая 1977 г., ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 16 мая 1978 г. и вступила в силу для СССР 5 октября 1978 г.

опасности человечества, во-вторых, наметил путь к преобразованию выдачи международных преступников в их передачу без использования процедуры выдачи, в-третьих, поспособствовал выявлению имеющихся в нормах национального законодательства предписаний, не соответствующих нормам международного права.¹⁹⁹

Однако указанные судебные органы были созданы по конкретному поводу (*ad hoc*): для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. и на территории Руанды, а также соседних с нею государств в период с 1 января по 31 декабря 1994 г.²⁰⁰ Между тем многим представлялась очевидной необходимость существования механизма международной уголовной юстиции до того, как будут совершены очередные международные преступления, чтобы не создавать его всякий раз после того, как это случится. Поэтому в международном сообществе давно поднимался вопрос об учреждении постоянно функционирующего международного уголовного суда.

В решимости создать таковой представители многих стран собрались в июле 1998 г. в Риме, дабы принять Статут международного уголовного суда, который обладал бы юрисдикцией в отношении физических лиц, индивидуально ответственных за совершение международных преступлений, безотносительно к ответственности государств по международному праву (ст. 25). Соответственно вопросам международного сотрудничества и судебной помощи, в том числе по передаче и выдаче преступников, в принятом Статуте отведено значительное место – часть 9, включающая в себя 17 статей.

Таким образом, к настоящему времени международное уголовное право характеризуется не только сложившейся, но и весьма сложной системой источников. Международно-правовые акты, устанавливающие обязательства, нарушение которых может быть квалифицировано как международное правонарушение, включают в себя международный договор, международный обычай, решения международных судов и международных организаций, являющиеся, согласно уставам этих организаций, обязательными для государств-членов. К числу источников, содержащих нормы, относящиеся к преступным нарушениям подобного рода, относятся:

Санкт-Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль от 29 ноября (11 декабря) 1868 г.;²⁰¹

13 конвенций, известных ныне как право войны (впоследствии – право вооруженных конфликтов), или право Гааги, где на мирных конференциях 1899 и 1907 гг. была осуществлена первая кодификация законов и обычаев войны, в том числе: Декларация о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы от 17 (29) июля 1899 г.,²⁰² Декларация о неупотреблении легко разворачивающихся или сплюсчивающихся пуль от 17 (29) июля 1899 г.;²⁰³ Конвенция об открытии военных действий от 5 (18) октября 1907 г.;²⁰⁴ Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 5 (18) октября

¹⁹⁹ Так, исполнение просьб и приказов Трибунала на национальном уровне потребовало принятия более чем двадцатью государствами соответствующих актов законодательства. С целью выполнения своих международных обязательств такие акты были приняты, в частности, Австралией, Австрией, Бельгией, Боснией и Герцеговиной, Великобританией, Венгрией, Германией, Данией, Исландией, Испанией, Италией, Нидерландами, Новой Зеландией, Норвегией, США, Финляндией, Францией, Швейцарией, Швецией, Хорватией. Кроме того, 5 октября 1994 г. США подписали с Трибуналом Соглашение о передаче лиц.

²⁰⁰ См.: ст. 1 Уставов Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде.

²⁰¹ Международное право в избранных документах: В 3 т. М., 1957. Т. III. С. 37–38.

²⁰² Ведение боевых действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. М., 1995. С. 38–39.

²⁰³ Там же. С. 39.

²⁰⁴ Там же. С. 40.

1907 г.;²⁰⁵ Конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий от 5 (18) октября 1907 г.;²⁰⁶ Конвенция об обращении торговых судов в суда военные от 5 (18) октября 1907 г.;²⁰⁷ Конвенция о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин от 5 (18) октября 1907 г.;²⁰⁸ Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны от 5 (18) октября 1907 г.;²⁰⁹ Конвенция о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне от 5 (18) октября 1907 г.;²¹⁰ Конвенция о правах и обязанностях нейтральных Держав в случае сухопутной войны от 5 (18) октября 1907 г.;²¹¹ Конвенция о правах и обязанностях нейтральных Держав в случае морской войны от 5 (18) октября 1907 г.;²¹²

Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июня 1925 г.;²¹³ Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана – Келлога) от 27 августа 1928 г.;²¹⁴ Правила о действиях подводных лодок по отношению к торговым судам в военное время от 6 ноября 1936 г.;²¹⁵

Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г.²¹⁶ и уставы международных военных трибуналов, в том числе Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. (Устав Нюрнбергского трибунала)²¹⁷ и Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока²¹⁸.

Конвенция по поводу порядка пользования знаками Красного Креста и Красного Полумесяца, утвержденная 18 августа 1948 г.;²¹⁹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.;²²⁰

Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., известные под названием права Женевы, включающего в себя Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях,²²¹ Конвенцию об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море,²²² Конвенцию

---

²⁰⁵ Там же. С. 41–53.

²⁰⁶ Там же. С. 141–142.

²⁰⁷ Там же. С. 143.

²⁰⁸ Там же. С. 144–145.

²⁰⁹ Там же. С. 146–147.

²¹⁰ Там же. С. 147–149.

²¹¹ Там же. С. 266–270.

²¹² Там же, С. 270–275.

²¹³ Сборник действующих договоров... Вып. V. М., 1930. С. 4–5.

²¹⁴ Международное право в документах. М., 1982. С. 668–670.

²¹⁵ Международное право в избранных документах: В 3 т. Т. III. С. 161–162.

²¹⁶ Там же. Т. II. С. 84–113.

²¹⁷ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 2. М., 1952. С. 15–17.

²¹⁸ Сборник действующих договоров Вып. XII. М., 1956. С. 79–86.

²¹⁹ Международное право в документах. М., 1982. С. 329–334.

²²⁰ Там же. С. 335–338.

²²¹ Сборник действующих договоров... Вып. XVI. М., 1957. С. 71–101.

²²² Там же. С. 101–124.

об обращении с военнопленными²²³ и Конвенцию о защите гражданского населения во время войны,²²⁴ а также Дополнительные протоколы к ним I и II от 8 июня 1977 г., первый из которых касается защиты жертв международных вооруженных конфликтов,²²⁵ а второй – защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера;²²⁶

Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.);²²⁷ Декларация о морской войне от 4 (16) апреля 1856 г.;²²⁸ Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия от 24 ноября 1961 г.; Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г.;²²⁹ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г.;²³⁰ Декларация о территориальном убежище от 14 декабря 1967 г.;²³¹ Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г.;²³² Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.;²³³ Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов от 9 декабря 1970 г.; Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 г.; Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г.;²³⁴ Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г.;²³⁵ Принципы международного сотрудничества государств в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях против человечества, от 3 декабря 1973 г.; Основные принципы правового режима комбатантов, борющихся против колониального и иностранного господства и расистских режимов, от 12 декабря 1973 г.; Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов от 14 декабря 1974 г.;²³⁶ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г.;²³⁷ Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г.;²³⁸ Конвенция о запрещении применения, накопления

²²³ Там же. С. 125–204.

²²⁴ Там же. С. 204–280.

²²⁵ Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М., 1990. С. 570–647.

²²⁶ Там же. С. 647–658.

²²⁷ Сборник действующих договоров... Вып. XIX. М., 1960. С. 130–146.

²²⁸ Международное право в избранных документах: В 3 т. Т. III. С. 140–141.

²²⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 42. Ст. 431.

²³⁰ Международное право в документах. М., 1982. С. 338–349.

²³¹ Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. С. 287–289.

²³² Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 14. Ст. 118.

²³³ Международное право в документах. М., 1982. С. 833–835.

²³⁴ Там же. С. 688–694.

²³⁵ Сборник действующих договоров... Вып. XXXII. М., 1978. С. 58–63.

²³⁶ Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. С. 409–410.

²³⁷ Там же. С. 58–80.

²³⁸ Сборник действующих договоров Вып. XXXIV. М., 1981. С. 437–440.

запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (Осло, 18 сентября 1977 г.); Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г.; Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие (Нью-Йорк, 10 апреля 1981 г.);²³⁹ с дополняющими ее Протоколом I о необнаруживаемых осколках,²⁴⁰ Протоколом II о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (с поправками, внесенными 3 мая 1996 г.),²⁴¹ Протоколом III о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия,²⁴² Протоколом IV об ослепляющем лазерном оружии (Вена, 13 октября 1995 г.);²⁴³ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (Нью-Йорк, 4 декабря 1989 г.);²⁴⁴ Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 г.);²⁴⁵ Конвенция о безопасности персонала Организации Объединенных Наций и связанного с ней персонала (Нью-Йорк, 9 декабря 1994 г.);²⁴⁶

Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Республики Югославии;²⁴⁷ Устав Международного уголовного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г.;²⁴⁸ Римский статут международного уголовного суда.²⁴⁹

Элементы составов международных преступлений определены также в некоторых международно-правовых актах интерпретационного характера, не обладающих обязательной юридической силой, но выражающих убеждение международного сообщества в преступности того или иного поведения. Хотя такого рода акты, образуя так называемое «мягкое право», не могут устанавливать юридически обязательного поведения, отраженная в них оценка тех или иных деяний в качестве преступных весьма важна для установления компетентными международными органами режима ответственности за них.

К таковым относятся: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о мерах, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей

²³⁹ Там же. Вып. XXXIX.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

²⁴³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 28.

²⁴⁴ Действующее международное право: В 3 т. Т. 2. М., 1996.

²⁴⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 6.

²⁴⁶ Там же. 2001. № 34.

²⁴⁷ Московский журнал международного права. 1996. № 1.

²⁴⁸ Резолюции и решения Совета Безопасности за 1994 год. Совет Безопасности. Официальные отчеты: Сорок девятый год. ООН. Нью-Йорк, 1996.

²⁴⁹ Дипломатический вестник. 2000. № 10. С. 116.

новой войны от 3 ноября 1947 г.,²⁵⁰ Определение агрессии (резолюция 3314, принятая XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1974 г.);²⁵¹ Декларация о принципах международного права, касающаяся дружественных отношений и сотрудничества государств, в соответствии с Уставом ООН; Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета от 21 декабря 1965 г.; Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам; Резолюция Генеральной Ассамблеи 110/11 от 9 декабря 1945 г., определившая состав пропаганды войны; Декларация о предотвращении ядерной катастрофы (резолюция Генеральной Ассамблеи 36/100 от 9 декабря 1981 г.); Принципы мирного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества (резолюция Генеральной Ассамблеи 3074) и др.

Отмеченное разнообразие источников международного уголовного права, при котором различные документы частично «перекрывают» друг друга, с одной стороны, имеет следствием то, что «практически все государства связаны одними и теми же обязательствами» в отношении определения ряда составов международных преступлений,²⁵² а с другой – имеющиеся различия в подходах к ратификации этих соглашений могут оказать влияние на географические рамки определения таких преступлений. Поэтому в международно-правовой доктрине давно возник вопрос о кодификации международного уголовного права.

Впервые этот вопрос был поставлен в упомянутой выше Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г., которая, подтвердив принципы международного права, признанные Статутом Нюрнбергского трибунала, одновременно предложила созданному согласно этой же Резолюции Комитету по кодификации международного права рассматривать в качестве вопроса первостепенной важности проекты, имеющие целью формулировку и внесение данных принципов в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в международный уголовный кодекс. Практическое же начало работы над проектом Кодекса международных преступлений положила Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 177 (II) от 21 ноября 1947 г., поручившая Комиссии международного права: а) сформулировать принципы международного права, признанные в Уставе Нюрнбергского трибунала и в его приговоре, и б) составить проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

Свидетельством практических трудностей в решении этой проблемы служит то, что упомянутый Кодекс до сих пор находится в стадии проектирования. Хотя первый его вариант был предложен еще в 1954 г. на шестой сессии ООН,²⁵³ а Генеральная Ассамблея неоднократно возвращалась к вопросу о работе над ним, лишь в 1991 г. Комиссия международного права на своей XLIII сессии удалось в предварительном порядке принять его в первом чтении и направить через генерального секретаря ООН правительствам стран для обсуждения.²⁵⁴ Однако несмотря на то, что этот документ имеет пока теоретическое значение, он, как и все другие документы, подготовленные Комиссией, заслуживает особого места в ряду рассматриваемых источников, поскольку институту выдачи в нем посвящены две статьи.

²⁵⁰ Международное право в избранных документах: В 3 т. Т. III. С. 8.

²⁵¹ См.: Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать девятой сессии. 17 сентября – 18 декабря 1974 года. Т. 1. ООН. Нью-Йорк. 1975. С. 181–182.

²⁵² См.: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. М., 2000. С. 493.

²⁵³ Международное право в избранных документах: В 3 т. Т. III. С. 406–408.

²⁵⁴ См.: Док. ООН A/46/405.

Наработанный мировым сообществом конвенционно-правовой опыт сотрудничества в сфере регулирования выдачи лиц, виновных в преступлениях международного характера, может оказаться весьма полезным для последующего создания универсально действующей системы экстрадиции лиц, виновных в совершении общеуголовных преступлений. Пока же в их отношении не существует универсальных экстрадиционных соглашений, но определенную роль в содействии развитию эффективного международного сотрудничества в этой области играют документы рекомендательного характера, вырабатываемые на проводимых раз в пять лет конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Так, рассмотрев доклад шестого Конгресса, состоявшегося в Каракасе 25 августа – 5 сентября 1980 г., Генеральная Ассамблея ООН одобрила по его итогам Каракасскую декларацию, в которой, отметив существенную роль ООН в деле развития международного сотрудничества и разработки норм и руководящих принципов политики в области борьбы с преступностью, сочла вместе с тем важным, чтобы ее органы обеспечили принятие соответствующих мер в области предупреждения преступности и обращения с правонарушителями в первую очередь на региональном и субрегиональном уровнях с учетом специфических потребностей различных регионов в обеспечении подлинной эффективности соглашений в этой области²⁵⁵.

Принимая во внимание данную Декларацию, седьмой Конгресс, проходивший с 26 августа по 6 сентября 1985 г. в Италии, подтвердив руководящую роль ООН в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью, принял Миланский план действий²⁵⁶ и рекомендовал Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка для осуществления на международном, региональном и национальном уровнях, с учетом политических, экономических, социальных и культурных условий и традиций каждой страны на основе суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела.

Формулируя основные направления сотрудничества в указанной области, означенный документ специально указал на то, что «следует упростить и повысить эффективность путей и средств международного сотрудничества в уголовных делах, связанных с экстрадицией, различными формами содействия в области расследования преступлений и судебных мер, включая судебные поручения, выполнение судебных приказов и вручение протоколов судебных решений, дачу свидетельских показаний в других странах, передачу судопроизводства, передачу заключенных-иностранцев и приведение в исполнение приговоров за границей, а также осуществление надзора за условно освобожденными лицами в других странах» (принцип 39). А с тем чтобы и далее содействовать более широкому использованию таких механизмов, было признано необходимым разработать соответствующие типовые документы для использования заинтересованными странами.²⁵⁷

---

²⁵⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 35/171 от 15 декабря 1980 г. // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. ООН. Нью-Йорк, 1992. Конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями проводятся раз в пять лет. Первый Конгресс, в работе которого приняли участие представители более 60 стран и территорий, состоялся в 1955 г. в Женеве. С тех пор количество участников постоянно растет. В частности, СССР включился в работу этих форумов начиная со второго Конгресса (Лондон, 1960 г.). Значение их деятельности состоит не только в том, что они обобщают мировой опыт борьбы с преступностью, исследуют эффективность конкретных средств этой борьбы и рекомендуют их для применения на национальном уровне, способствуя тем самым обмену опытом борьбы с преступностью и выявлению новых тенденций и проблем в данной сфере, но и в том, что они отслеживают глобальные тенденции преступности, содействуя этим разработке и реализации «стратегического плана ООН» противостояния преступности.

²⁵⁶ Утвержден Генеральной Ассамблеей ООН в ее резолюции 40/32 от 29 ноября 1985 г.

²⁵⁷ См.: Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 6 сентября 1985 г. // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992.

В рамках осуществления рекомендаций, содержащихся в Миланском плане, на восьмом Конгрессе (Гавана, 1990 г.) были утверждены: Руководящие принципы для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней, признавшие необходимым уделять первоочередное внимание оказанию взаимной помощи, передаче материалов судебного разбирательства и приведению в исполнение приговоров, а также экстрадиции (принцип 21);²⁵⁸ Меры по борьбе с международным терроризмом;²⁵⁹ Типовой договор о предупреждении преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие народов в форме движимых ценностей, в примечании к пп. «g» п. 1 ст. 2 которого также говорится об экстрадиции.²⁶⁰

Несколько позднее Генеральная Ассамблея ООН на 68-м пленарном заседании 14 декабря 1990 г., принимая во внимание Миланский план действий, а также Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка, предусматривающие, что ООН следует разработать типовые документы, которые можно было бы использовать как международные и региональные конвенции (принцип 37), утвердила: Типовой договор о выдаче;²⁶¹ Типовое соглашение о передаче заключенных-иностранцев; Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия и Факультативный протокол к нему, касающийся доходов от преступлений;²⁶² Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства;²⁶³ Типовой договор о передаче надзора за правонарушителями-иностранцами, которые были условно осуждены или условно освобождены.²⁶⁴

Данные документы могут быть использованы в качестве полезной основы для переговоров между государствами, заинтересованными в заключении соглашений, направленных на совершенствование сотрудничества в борьбе с преступностью на субрегиональном, региональном и межрегиональном уровнях. Они предлагаются вниманию не только тех государств, которые еще не установили договорные отношения в вопросе юридической взаимопомощи, но и тех, которые желают пересмотреть существующие договорные отношения для устранения имеющихся пробелов и «лазеек» в применяемых процедурах взаимопомощи. Так, в преамбуле к Типовому договору о выдаче Генеральная Ассамблея ООН помимо всего прочего обосновывает его необходимость и тем, что во многих случаях действующие двусторонние механизмы выдачи устарели и должны быть заменены новыми с учетом изменений в международном уголовном праве. Весьма существенное значение имеют указанные типовые договоры и в качестве ориентиров для национальной законодательной политики и практики в сфере выдачи преступников.

е) Межправительственные и межведомственные соглашения

Кроме межгосударственных договоров о выдаче и правовой помощи по уголовным делам, вопросы экстрадиции могут затрагиваться и в межправительственных соглашениях о сотрудничестве по вопросам борьбы с определенными видами преступлений. К настоящему времени подобного рода договоренности имеются у России с Бельгией, Великобританией, Венгрией, Германией, Египтом, Израилем, Ирландией, Испанией, Норвегией, Португалией, Узбекистаном, Финляндией, Швецией и ЮАР.

²⁵⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 7 сентября 1990 г. // Там же.

²⁵⁹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 7 сентября 1990 г. // Там же.

²⁶⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 7 сентября 1990 г. // Там же.

²⁶¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 45/116 от 14 декабря 1990 г. // Там же.

²⁶² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 45/117 от 14 декабря 1990 г. // Там же.

²⁶³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 45/118 от 14 декабря 1990 г. // Там же.

²⁶⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 45/119 от 14 декабря 1990 г. // Там же.

Однако вопросы выдачи в такого рода соглашениях по существу не решаются. Обычно в них оговариваются вопросы антикриминального сотрудничества компетентных органов с целью выявления, пресечения и раскрытия преступлений. Соответственно рамки такого сотрудничества ограничиваются обменом информацией, а также оказанием помощи в проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе в розыске пропавших, уклоняющихся от правосудия и подозреваемых в совершении преступлений лиц, идентификации неопознанных трупов, поиске на территории одного государства предметов, похищенных на территории другого государства, и других подобных действий, прямо не затрагивающих экстрадиционных обязательств сторон, но создающих условия для реализации имеющихся соглашений о выдаче либо предпосылки для заключения таковых в будущем.

Например, в 1996 г. вступило в силу Соглашение между правительствами России и США о сотрудничестве по уголовно-правовым вопросам, в соответствии со ст. 2 которого объем взаимной помощи ограничен, во-первых, кругом преступлений, перечень которых содержится в Приложении к настоящему Соглашению,²⁶⁵ а во-вторых, производством по делам об указанных преступлениях таких действий, как: 1) получение показаний, заявлений и материалов; 2) предоставление документов, материалов и предметов; 3) вручение документов; 4) установление личности и местонахождения лиц; 5) проведение обысков и выемок; 6) осуществление мер, связанных с наложением ареста и конфискацией имущества, реституцией и взысканием штрафов; 7) любая иная помощь, не запрещенная законами государства запрашиваемой стороны. Что же касается экстрадиции, то в данном Соглашении стороны выразили лишь намерение заключить в ближайшее время договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам.²⁶⁶

Таким образом, в современном мире вопросы выдачи решаются главным образом на межгосударственном, а не межправительственном уровне. Однако в некоторых из межправительственных соглашений все же содержатся правовые решения, приближающиеся по своему содержанию к положениям, характерным для межгосударственных экстрадиционных соглашений. К числу таковых относятся, например, межправительственные соглашения, заключенные СССР с Афганистаном,²⁶⁷ Ираном²⁶⁸ и Финляндией,²⁶⁹ в которых стороны обязались принимать по просьбе государства регистрации воздушного судна немедленные меры к тому, чтобы лица, совершившие угон такого судна, были возвращены этому государству, вне зависимости от мотивов угона.

²⁶⁵ Данное Приложение содержит указание на: 1) незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, который включает все правонарушения, предусмотренные в Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., Конвенции о психотропных веществах 1971 г., Протоколе 1972 г. о внесении изменений в Единую конвенцию о наркотических средствах и Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.; 2) преступления, предусмотренные в других многосторонних договорах, участниками которых являются Россия и США; 3) организованная преступность, вымогательство (рэкет), как это предусмотрено законодательством РФ и законодательством США; 4) «отмывание» денег (легализация доходов, полученных преступным путем), как это предусмотрено законодательством сторон; 5) нарушение законов о контроле за оружием, включая ядерное и другие виды оружия массового уничтожения, а также за взрывчатыми веществами, ядерными материалами, зажигательными устройствами и веществами, опасными для здоровья; 6) мошенничество; коррупция, в том числе преступления должностных лиц, включая взяточничество; 7) насильственные преступления против личности; 8) половые преступления против детей, включая детскую проституцию и детскую порнографию; 9) покушение или сговор с целью совершения любого из преступлений, указанных в настоящем Приложении, пособничество и подстрекательство к таковым или участие в таковых в качестве исполнителя.

²⁶⁶ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве по уголовно-правовым вопросам от 30 июня 1995 г. // Сборник международных договоров по оказанию правовой помощи. М., 1996. См. также: Ст. 1 и 2 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью (Москва, 5 марта 1993 г.); ст. 2 и 6 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Бельгии о сотрудничестве в борьбе с преступностью (Москва, 20 декабря 2000 г.) и др.

²⁶⁷ Сборник действующих договоров... Вып. XXIX. М., 1975. С. 300–302.

²⁶⁸ Там же. Вып. XXX. М., 1976. С. 293–295.

²⁶⁹ Там же. Вып. XXXI. М., 1977. С. 484–487.

Установив особый правовой режим для возвращения преступников, совершивших угон гражданского воздушного судна, государством, на территории которого приземлилось угнанное судно, государству его регистрации, стороны закрепили в соглашениях о том немало положений, известных институту выдачи преступников. Так, угонщикам не может быть предоставлено право политического убежища. Не подлежат возвращению лишь лица, имеющие гражданство государства, на территории которого приземлилось угнанное ими воздушное судно, что напоминает принцип невыдачи (в данном случае – невозвращения) собственных граждан. Кроме того, если лицо, осуществившее угон воздушного судна, совершит на территории государства, к которому обращена просьба о возвращении, более тяжкое, чем угон, преступление, причинившее ущерб юридическим лицам либо гражданам этого или третьего государства, то в отношении его возвращения применяется отсрочка до окончания расследования по делу, отбытия наказания или помилования, сходная с отсроченной выдачей. В случае угрозы для уголовного преследования за угон вследствие истечения срока давности, допускается временное возвращение преступника государству регистрации угнанного воздушного судна на срок не более трех месяцев, напоминающее временную выдачу.

Специфика же рассматриваемой формы правовой помощи состоит в следующем. Во-первых, она рассчитана только на сотрудничество в пресечении угона гражданских воздушных судов и не распространяется даже на такие родственные с ним деяния, как захват воздушного судна и удержание его пассажиров в качестве заложников. Во-вторых, процедура возвращения, по всеобщему признанию, намного проще процедуры выдачи. В-третьих, «вернуть» человека можно только в то место, где он уже был. Поэтому если воздушное судно одной из сторон договора будет захвачено на территории третьего государства, а затем окажется на территории государства – партнера по соглашению, то последнее вправе отказать в рассмотрении просьбы о возвращении преступника государству регистрации судна. В-четвертых, возвращение угонщиков сопровождается одновременно передачей государству регистрации судна документов, оружия, а также имеющихся в распоряжении государства приземления судна доказательств и другой информации об обстоятельствах угона и поведении угонщиков во время полета и после посадки²⁷⁰.

Еще далее отстоят от современного экстрадиционного права межведомственные соглашения. К их числу относятся, например, Алма-Атинское соглашение о взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью от 24 апреля 1992 г.,²⁷¹ а также соглашения о сотрудничестве, заключенные между Министерством внутренних дел России и министерствами внутренних дел Украины (Москва, 28 февраля 1992 г.), Кыргызстана (25 апреля 1992 г.), Туркменистана (Москва, 31 июля 1992 г.), Казахстана (9 января 1993 г.), Армении (Ереван, 12 мая 1993 г.), Молдовы (Кишинев, 8 июля 1993 г.), Таджикистана (Волгоград, 23 сентября 1993 г.), Грузии (21 марта 1994 г.) и т. д.²⁷²

Предусмотренное данными соглашениями взаимодействие в том, что касается обмена информацией о преступлениях, совершенных гражданами договаривающихся сторон, и ока-

---

²⁷⁰ От возвращения угонщиков самолетов следует отличать возвращение незаконно ввезенных мигрантов, предусмотренное ст. 18 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. При том, что такого рода незаконный ввоз в какое-либо государство лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории, означает пересечение границ без соблюдения необходимых требований для законного въезда в принимающее государство, а также предполагает использование поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности, указанное лицо рассматривается по смыслу Протокола не в качестве *субъекта* преступления, а в качестве *объекта* предусмотренных его ст. 6 преступных деяний. Только в силу этого обстоятельства настоящий Протокол не применяется для уголовного преследования мигрантов (см. ст. 5).

²⁷¹ Подписано МВД Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Грузия, Республики Казахстан, Республики Кыргызстан, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан и Украины. Позднее к Соглашению присоединилось МВД Республики Молдова.

²⁷² См.: Сборник международных соглашений МВД России. М., 1996.

зания содействия в розыске лиц, скрывающихся от следствия или суда, служит необходимой составной частью работы правоохранительных органов по установлению подлежащих выдаче лиц и обеспечению условий для их выдачи.

Двусторонние соглашения о сотрудничестве заключены и с компетентными ведомствами таких зарубежных стран, как Австрия, Албания, Аргентина, Болгария, Венгрия, Вьетнам, Индия, Иран, Италия, Ирландия, Канада, Кипр, Корея, Куба, Китай, Латвия, Литва, Македония, Монголия, Польша, Румыния, Словакия, Турция, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония и др.²⁷³ Не решая содержательных вопросов экстрадиционных отношений, они выражают в ряде случаев намерение установить их в будущем.²⁷⁴

Определенный интерес для практического осуществления экстрадиции может представлять также Соглашение о порядке передачи и транзитной перевозки лиц, взятых под стражу, заключенное 17 февраля 1994 г. в г. Ашгабаде МВД Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины. Руководствуясь положениями законодательства и международными договорами своих государств, стороны настоящего Соглашения обязались обеспечивать охрану, конвоирование и этапирование взятых под стражу лиц до передачи их представителям запрашивающей стороны в пограничных, а по взаимному согласию – в иных пунктах (ст. 1), а также осуществлять по решению внутригосударственных компетентных органов транзитную перевозку по территории своего государства лиц, передаваемых третьему государству (ст. 2). Основанием для конвоирования и этапирования взятого под стражу лица с территории государства другой стороны является решение компетентного органа государства запрашивающей стороны, которое вкладывается в личное дело конвоируемого. При передаче лица представителям принимающей стороны предъявляется предписание запрашивающей стороны. Сама же передача взятого под стражу лица осуществляется по акту, который составляется в трех экземплярах на русском языке, из них два экземпляра (в том числе подлинник) – для представителя запрашивающей стороны и один – для представителя запрашиваемой стороны (ст. 3).²⁷⁵

Особое место в ряду многосторонних соглашений межведомственного характера занимает Устав Международной организации уголовной полиции – Интерпола. Его целями являются обеспечение широкого взаимодействия всех органов уголовной полиции в рамках национального законодательства, а также создание и развитие учреждений, которые могут успешно способствовать предупреждению уголовной преступности и борьбе с ней. Для обеспечения сотрудничества каждая страна в соответствии со ст. 32 Устава определяет орган, который будет выступать в качестве Национального центрального бюро (НЦБ), призванного осуществлять взаимодействие как с различными учреждениями внутри страны, так и с теми органами других стран, которые выступают в качестве НЦБ, а также с Генеральным секретариатом Организации.²⁷⁶

Данный документ вступил в силу 13 июня 1956 г., но Советский Союз оформил свое членство в Интерполе незадолго до того, как прекратил свое существование.²⁷⁷ В 1996 г. был издан Указ Президента РФ, которым в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и правоохранительных орга-

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ См., например, Декларацию о намерениях по сотрудничеству в области оказания правовой помощи по гражданским и уголовным делам между Министерством юстиции Российской Федерации и Департаментом юстиции и полиции Швейцарской Конфедерации, подписанную в Москве 12 сентября 1994 г., и ряд других подобных документов (Сборник международных договоров по оказанию правовой помощи. М., 1996).

²⁷⁵ См.: Сборник международных соглашений МВД России. М., 1996.

²⁷⁶ Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М., 1996.

²⁷⁷ См.: Постановление Совета Министров СССР от 7 апреля 1990 г. «О вступлении СССР в Международную организацию уголовной полиции (Интерпол)».

нов иностранных государств по вопросам борьбы с преступностью, а также выполнения обязательств, вытекающих из членства России в Интерполе, перед НЦБ Интерпола, являющимся структурным подразделением МВД РФ, были поставлены задачи: а) обеспечения эффективного международного обмена информацией об уголовных преступлениях; б) оказания содействия в выполнении запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами РФ; в) осуществления наблюдения за исполнением международных договоров по вопросам борьбы с преступностью, участником которых является Россия.²⁷⁸

В целях создания условий, направленных на обеспечение деятельности НЦБ, и во исполнение названного Указа Президента Правительство РФ утвердило Положение о Национальном центральном бюро Интерпола,²⁷⁹ где в соответствии с возложенными на него задачами детально определены его функции, включая: а) прием, обработку и направление в Генеральный секретариат и национальные центральные бюро Интерпола иностранных государств запросов, следственных поручений и сообщений правоохранительных и иных государственных органов России для осуществления розыска, ареста и выдачи лиц, совершивших преступления; б) формирование банка данных о лицах, связанных с преступлениями, носящими международный характер; в) передачу в необходимых случаях для опубликования в журналах, бюллетенях, сборниках и иных изданиях правоохранительных органов, а также для распространения в средствах массовой информации сведений о лицах, находящихся в международном розыске, и т. д.²⁸⁰

В свою очередь, порядок направления и исполнения органами внутренних дел запросов и поручений по линии Интерпола в процессе расследования преступлений международного характера нормирован Регламентом международного полицейского сотрудничества и соответствующими национальными ведомственными актами, регламентирующими взаимодействие органов внутренних дел с правоохранительными органами зарубежных стран в борьбе с фальшивомонетничеством, автотранспортными преступлениями, посягательствами на культурные ценности и предметы антиквариата, незаконным оборотом наркотиков, огнестрельного оружия и взрывных устройств, подделкой документов и т. д.²⁸¹

Кроме того, в указанной Инструкции регламентируются вопросы международного розыска, которому по инициативе органов внутренних дел подлежат выехавшие за пределы России лица, уклоняющиеся от уголовной ответственности и отбывания наказания. Используя систему международного розыска в рамках Интерпола, подразделения органов внутренних дел России имеют возможность получать информацию о месте пребывания в зарубежных странах и роде занятий разыскиваемых лиц, идентифицировать их и устанавливать контроль за деятельностью и передвижением лиц, скрывающихся от правоохранительных органов за пределами России.

Основанием для международного розыска российских граждан является запрос органа внутренних дел, направленный в НЦБ Интерпола.²⁸² В нем должна быть изложена полная и объективная информация о событиях, фактах и разыскиваемых лицах, а также указаны зару-

---

²⁷⁸ Указ Президента РФ от 30 июня 1996 г. «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 32. Ст. 3895.

²⁷⁹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 14 октября 1996 г. № 1190 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 43. Ст. 4916.

²⁸⁰ См.: п. 12 Положения о Национальном центральном бюро Интерпола.

²⁸¹ См.: Инструкция о порядке исполнения и направления органами внутренних дел Российской Федерации запросов и поручений по линии Интерпола // Информационный бюллетень. 1994. № 8. В настоящей Инструкции под преступлением, имеющим международный характер или международную направленность, понимается преступление, затрагивающее интересы нескольких государств.

²⁸² Соответственно запросы правоохранительных органов зарубежных стран, поступающие в компетентные органы России по каналам Интерпола, являются правомерным основанием розыска на ее территории иностранных граждан.

бежные города, иные географические названия и конкретные адреса. Одновременно, в случае розыска скрывшегося за рубежом подозреваемого, обвиняемого или осужденного лица, в запросе отражаются: 1) номер уголовного дела, дата его возбуждения, наименование органа, проводящего расследование и розыск такого лица, номер и название статьи УК РФ с кратким изложением совершенного разыскиваемым деяния, а также указанием предусмотренной за него меры наказания; 2) целесообразность, при обнаружении разыскиваемого, установления контроля за его передвижением, если от зарубежных партнеров получена «сигнальная информация» о выезде данного лица за пределы страны; 3) необходимость задержания разыскиваемого и его последующей экстрадиции.²⁸³

Для наглядности, в 1998 г. при участии НЦБ Интерпола установлено местонахождение за рубежом более 60 скрывающихся от правосудия лиц, свыше 30 из которых после проведения комплекса мер по экстрадиции были переданы правоохрнительным органам России.²⁸⁴ Только в рамках совместной борьбы с терроризмом и организованной преступностью в СНГ в ходе операций, проведенных на территории России с начала 2001 г., разыскано для экстрадиции в страны СНГ 2013 преступников, выдано 1443. За этот же период органы МВД стран СНГ и прибалтийских государств выявили для экстрадиции в Россию 236 преступников, из них выдано 109. В 2001 г. МВД России передало в соответствующие министерства стран – участниц СНГ 75 документов, касающихся антитеррористической деятельности.²⁸⁵

---

²⁸³ С просьбой о подготовке необходимых документов установленной формы подразделения дознания и следственные аппараты органов внутренних дел должны обращаться через соответствующих надзирающих прокуроров в Генеральную прокуратуру, к компетенции которой относится решение вопросов экстрадиции и на которую возложена координация исполнения российскими правоохрнительными органами поручений об оказании правовой помощи по уголовным делам.

²⁸⁴ См.: *Подшибякин А. С., Подшибякин С. А.* Экстрадиция как форма международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью // *Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью: Материалы Международной научно-практической конференции* (г. Сочи, 9-12 октября 2000 г.). Краснодар, 2000. С. 43.

²⁸⁵ См.: Сообщение Министерства иностранных дел РФ от 26 декабря 2001 г. о предоставлении Россией Контртеррористическому комитету Совета Безопасности ООН национального доклада о выполнении резолюции 1373 СБ ООН о борьбе с международным терроризмом // *Дипломатический вестник*. 2002. № 1.

§ 4. Юридическая сила и пределы действия экстрадиционных соглашений

Как уже отмечалось, в правовой системе Российской Федерации международным соглашениям (наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права) отводится место ее составной части, причем приоритетной, коль скоро в случаях, когда международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора²⁸⁶.

Однако из этого не следует, что все международные договоры обладают равной юридической силой, которая одинаково превосходит силу национальных правовых норм. Система международно-правовых актов, также как и актов национального законодательства, определенным образом структурирована, упорядочена по их юридической силе. Причем ратификация, т. е. особая процедура заключения международного договора путем издания специального федерального закона, производится лишь в отношении договоров, «исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающих иные правила, чем предусмотренные законом».²⁸⁷

Следовательно, если международный договор не устанавливает правила, отличающиеся от предусмотренных внутренним законом, т. е. не противоречит им, процедура его заключения может и не облекаться в форму издания федерального закона. Положения такого рода официально опубликованных международных договоров, не требующие издания внутрисударственных актов для применения, действуют непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров принимаются соответствующие правовые акты.²⁸⁸

Таким образом, только международные соглашения, ратифицированные Государственной Думой, могут изменять нормы федеральных законов, поскольку обладают более высокой юридической силой.²⁸⁹ Международные договоры, заключаемые от имени Правительства РФ, соответственно превосходят по юридической силе постановления Правительства РФ, но уступают как международным договорам РФ, прошедшим ратификацию, так и нормам федеральных законов. Наконец, межведомственные международные договоры РФ, обладая приоритетом перед иными актами министерств и ведомств, не могут противоречить ни межгосударственным договорам и федеральным законам, ни межправительственным договорам и постановлениям Правительства.

Эту позицию разделяет и Верховный Суд РФ, разъяснивший, что в случае коллизии между правилами, установленными международным договором, и правилами, предусмотренными национальным законом, «суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, *решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона* (курсив наш. – А. Б.), установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации».²⁹⁰

²⁸⁶ См.: п. 2 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

²⁸⁷ Пп. «а» п. 1 ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

²⁸⁸ См.: п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

²⁸⁹ См.: Постатейный комментарий к Федеральному закону о международных договорах Российской Федерации / Под ред. В. П. Звекова, Б. И. Осминина. М., 1996.

²⁹⁰ См.: п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 2. С. 1.

Заметим в этой связи, что согласие государств на обязательность для них экстрадиционных соглашений обычно выражается ратификацией, ибо такой способ выражения согласия предусматривается самими соглашениями. Например, в ст. 29 Европейской конвенции о выдаче прямо говорится, что она подлежит ратификации и вступает в силу в отношении любой подписавшей стороны, впоследствии ратифицирующей конвенцию, через 90 дней после даты сдачи ее ратификационной грамоты на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

Выразив таким образом согласие на обязательность договора, государство не вправе ссылаться в качестве оправдания его невыполнения на положения своего внутреннего права, в том числе на то, что указанное согласие было выражено в нарушение того или иного положения внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если только данное нарушение не было явным (т. е. объективно очевидным для любого государства, действующего в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой) и не касалось внутренней нормы особо важного значения.²⁹¹

Следовательно, при том, что национальные УК или УПК могут устанавливать, скажем, определенные основания для отказа в выдаче лиц, совершивших преступление, значительное количество регламентирующих тот же вопрос экстрадиционных соглашений, а также наличие в них (обозначенного через оговорки или иным образом) разнообразия в позициях относительно данного вопроса предопределяет необходимость принятия решения исключительно на основе анализа конкретного договора. К этому обязывает, например, ч. 1 ст. 7 белорусского УК, которая устанавливает, что белорусский гражданин «не может быть выдан иностранному государству, *если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь*» (курсив наш. – А. Б.).

Иное дело – коллизии, возникающие между основным национальным законом (конституцией) и международным договором. Ведь изложенное выше положение ч. 1 ст. 7 белорусского УК дословно воспроизводит ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Беларусь. Конституция же Российской Федерации не допускает выдачи собственных граждан. Поэтому положение о приоритетном действии международного договора, допускающего иное, в российских условиях не имеет силы, ибо в случаях, когда международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции, решение о согласии на его обязательность для России возможно только после внесения соответствующих поправок в Конституцию или пересмотра ее положений в установленном порядке. При этом дела о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров разрешает Конституционный Суд РФ в порядке, определяемом федеральным конституционным законом. Не вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, признанные Конституционным Судом не соответствующими Конституции, не подлежат введению в действие и применению.²⁹²

а) Действие во времени

Как и любые другие нормативные акты, договоры о выдаче имеют свои пределы действия во времени, пространстве и по кругу лиц.

Прежде всего, для данных межгосударственных соглашений, как и для внутригосударственных правовых актов, столь же важны вопросы вступления в силу и утраты силы, коль скоро именно с момента вступления их в силу для Российской Федерации они подлежат выполнению ею, а до того лишь обязывают воздерживаться с учетом соответствующих норм между-

---

²⁹¹ См.: ст. 27, 46 Венской конвенции о праве международных договоров.

²⁹² См.: ст. 22, 34 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

народного права от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели.²⁹³ Примером пренебрежения данными обстоятельствами может служить следующее дело.

В ноябре 1994 г. сотрудниками ФСК были задержаны в Москве два сотрудника радиостанции «Свобода» – туркменские граждане Х. Эсенова и Х. Суюкова. Исполняющий в то время обязанности Генерального прокурора А. Ильюшенко заявил, что данное задержание осуществлено по ходатайству Прокуратуры Туркмении в соответствии с Минской конвенцией СНГ 1993 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, тогда как на тот момент она еще не вступила в силу для России²⁹⁴.

Впрочем, авторы, приведшие этот пример, допускают неточность, утверждая, что на момент задержания указанных лиц Россия даже не ратифицировала Минскую конвенцию. В действительности ее ратификация состоялась 4 августа 1994 г. путем принятия соответствующего закона. Но его принятие не означало автоматическое обретение силы данной Конвенцией, поскольку международные договоры вступают в силу в порядке и в срок, предусмотренные в самом договоре или согласованные между договаривающимися сторонами. В этом плане ст. 83 Минской конвенции предусмотрела, что настоящая Конвенция вступает в силу на 30-й день, считая со дня сдачи на хранение депозитарию (т. е. Правительству Республики Беларусь) третьей ратификационной грамоты, а для государства, ратификационная грамота которого будет сдана на хранение после вступления ее в силу, она вступит в силу на 30-й день, считая со дня сдачи на хранение его ратификационной грамоты. Россия депонировала свою ратификационную грамоту 11 ноября 1994 г., исходя из чего для нее Конвенция вступила в силу 10 декабря 1994 г.

Вступление в силу международных соглашений регулируется самим международным правом. В целом, эта проблема более сложна, чем во внутреннем праве, особенно если речь идет об обычных нормах.

Вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, решения о согласии на обязательность которых приняты в форме федерального закона, подлежат официальному опубликованию по представлению Министерства иностранных дел в Собрании законодательства РФ. Иные вступившие в силу международные договоры (за исключением договоров межведомственного характера) официально опубликовываются по представлению МИДа в Бюллетене международных договоров, а международные договоры межведомственного характера опубликовываются по решению федеральных органов исполнительной власти, от имени которых они заключены, в официальных изданиях этих органов. В том же порядке опубликовываются официальные сообщения Министерства иностранных дел о вступлении в силу международных договоров, заключенных от имени Российской Федерации и от имени Правительства Российской Федерации.²⁹⁵

Если аутентичность текста договора была установлена на двух или нескольких языках, текст на каждом языке имеет одинаковую силу, если договором не предусматривается или участники не условились, что в случае расхождения между этими текстами преимущественную силу будет иметь какой-либо один определенный текст. Вариант договора на языке, ином, чем

---

²⁹³ См.: п. 2, 3 ст. 31 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». Заметим, что ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров допускает временное применение договора или его части до вступления договора в силу лишь в случае, если: а) это предусматривается самим договором или б) участвовавшие в переговорах государства договорились об этом каким-либо иным образом.

²⁹⁴ См. подробнее: *Лукашук И. И., Наумов А. В.* Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве. С. 53–54.

²⁹⁵ См.: ст. 24, 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

те, на которых была установлена аутентичность текста, считается аутентичным только в том случае, если это предусмотрено договором или если об этом условились участники договора.

Прекращение (в том числе денонсация) и приостановление действия международных договоров также осуществляются в соответствии с условиями самого договора и нормами международного права. Скажем, в Европейской конвенции о пресечении терроризма говорится, что она теряет силу для любого договаривающегося государства «в случае его выхода из Совета Европы или прекращения его членства в Совете Европы» (ст. 15).

В соответствии с отечественными нормами прекращение или приостановление действия международного договора осуществляются органом, принявшим решение о согласии на его обязательность. В отношении межгосударственных договоров таким органом является Федеральное Собрание, которое принимает на это счет федеральный закон, направляемый согласно Конституции Президенту РФ для подписания и обнародования.

В случаях же, требующих принятия безотлагательных мер, действие международного договора, решение о согласии на обязательность которого принималось в форме федерального закона, может быть приостановлено Президентом с обязательным незамедлительным информированием Федерального Собрания и внесением в Государственную Думу проекта соответствующего федерального закона. Он же принимает решение о прекращении или приостановлении действия межправительственных договоров, согласие на обязательность которых давалось Правительством РФ.

Прекращение и приостановление действия международных договоров межведомственного характера производятся федеральными органами исполнительной власти, от имени которых заключены такие договоры, по согласованию с Министерством иностранных дел РФ, другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти соответствующих субъектов РФ и с разрешения Правительства РФ. Последнее принимает решения и о прекращении или приостановлении действия международных договоров межведомственного характера, если соответствующие вопросы имеют важное значение для государственных интересов России.

Официальные сообщения МИДа о прекращении или приостановлении действия международных договоров, заключенных от имени Российской Федерации и от имени ее Правительства, опубликовываются в изложенном выше порядке. Последствия же такого рода решений состоят в следующем.

Прекращение международного договора, если таковым не предусматривается иное или не имеется иной договоренности с другими его участниками, освобождает Россию от всякого обязательства выполнять его в дальнейшем, но не влияет на ее права, обязательства или юридическое положение, возникшие в результате выполнения договора до его прекращения; а приостановление действия международного договора освобождает Россию от обязательства выполнять его в течение периода приостановления в отношениях с теми участниками, с которыми приостанавливается действие договора, и не влияет в остальном на установленные договором правовые отношения с другими его участниками.²⁹⁶

Впрочем, в российской договорной практике трудно, пожалуй, отыскать случай, когда то или иное экстрадиционное соглашение было бы приостановлено, а тем более прекращено без какого бы то ни было его возобновления. Обычным является последовательное заключение договоров, относящихся к тому же вопросу.

Так, договор между СССР и Албанией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам от 30 июня 1958 г. сменил аналогичный договор от 30 октября 1995 г., договор с Болгарией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам от 12 декабря 1957 г. – аналогичный договор от 19 февраля

---

²⁹⁶ См.: ст. 37–40 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

1975 г., договор с Кубой о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г. – аналогичный договор от 14 декабря 2000 г., договор с Чехословакией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам от 31 августа 1957 г. – аналогичный договор от 12 августа 1982 г.

При этом в каждом из вновь заключенных договоров в отдельной статье указывается, что со дня вступления его в силу в отношениях между договаривающимися сторонами прекратит свое действие предыдущий договор, а в некоторых из них специально оговаривается, что прекращение действия предыдущего договора не лишает правовой силы решений учреждений одной стороны, которые признаны и исполняются на территории другой стороны на основании этого договора.²⁹⁷ Поэтому не имеет смысла и сопоставление ранее состоявшихся экстрадиционных решений с положениями нового договора о выдаче, измененными в сторону ее либерализации или ограничения, во имя пересмотра данных решений, к чему обязывает, например, *ревизионная* обратная сила уголовного закона, предполагающая распространение нового, более мягкого закона на преступления, по которым приговор вступил в законную силу.

Вместе с тем заключение нового договора о выдаче порождает вопрос о возможности его обращения на преступления, совершенные ранее его вступления в силу. Международное право не имеет на это счет общих императивных установлений. В ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров на этот счет говорится лишь, что положения договора не обязательны для его участника в отношении любого действия или факта, которые имели место до даты вступления договора в силу для указанного участника, или в отношении любой ситуации, которая перестала существовать до этой даты, если «иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом». Стало быть, каждое экстрадиционное соглашение может специально разрешать проблему его обратимости, безотносительно к факту наличия или отсутствия предыдущего соглашения, а также независимо от того, улучшает или ухудшает новое соглашение положение лица, подлежащего выдаче.

Такой же подход представляется приемлемым и для национальных экстрадиционных законов. Объясняется это тем, что правила обратимости национальных экстрадиционных законов или международных договоров о выдаче преступников не могут быть идентичными правилам обратимости законов о их наказуемости, ибо сама по себе выдача является не наказанием, а мерой правовой помощи, способствующей его применению. Поэтому не существует и обязанности в каждом экстрадиционном случае сопоставлять время совершения преступления, по поводу которого испрашивается выдача, со временем действия экстрадиционного соглашения. Некоторые из этих соглашений могут иметь только перспективное действие, распространяясь на юридические факты и правоотношения, возникающие после их вступления в силу, другие – только ретроактивное, распространяясь на деяния и порожденные ими уголовно-правовые последствия, совершенные или возникшие до их вступления в силу, а третьи обладают «двойным» эффектом действия: «вперед» и «назад».

Во всяком случае, практике известны примеры выдачи лиц по договорам, заключенным после совершения ими преступления или еще не вступившим в силу на момент его совершения. Такого рода выдача была признана возможной еще Оксфордской резолюцией, провозгласившей, что закон или договор о выдаче может применяться к преступлениям, совершенным ранее его вступления в силу (ст. 17). Об этом же говорится в ст. 85 Минской конвенции о правовой помощи 1993 г., действие которой «распространяется и на правоотношения, возникшие до ее вступления в силу».²⁹⁸

²⁹⁷ См., напр., ст. 81 указанного выше договора с Албанией, ст. 82 договора с Кубой и др. Так же решается вопрос и в других соглашениях о правовой помощи по уголовным делам. В частности, в Европейской конвенции о передаче осужденных лиц говорится, что ее действие будет продолжаться при исполнении приговоров тех осужденных, которые были переданы в соответствии с положениями данной Конвенции до того, как она была расторгнута (ч. 3 ст. 24).

²⁹⁸ Аналогичный подход характерен и для других соглашений, действующих в сфере оказания правовой помощи по уго-

Специфика же судопроизводства по делам о международных преступлениях такова, что «разовые» трибуналы *ad hoc*, специально создаваемые для разбирательства конкретных дел, по определению учреждаются не *ante factum*, а *post factum*, т. е. после того, как событие свершилось.

В частности, Нюрнбергский и Токийский международные трибуналы, образованные соответственно 8 августа 1945 г. и 19 января 1946 г., были предназначены для привлечения к ответственности и наказания главных военных преступников Второй мировой войны, действовавших с 1 сентября 1939 г. по 8 мая 1945 г. на европейском континенте и по 2 сентября 1945 г. на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, когда японское правительство подписало акт о безоговорочной капитуляции.

Международный трибунал по Югославии был учрежден 25 мая 1993 г., а его временная юрисдикция распространена на период начиная с 1 января 1991 г. – даты, предложенной как Россией, так и США,²⁹⁹ но не ограничена каким-либо периодом времени. Международный трибунал по Руанде учрежден 8 ноября 1994 г., а его юрисдикция ограничена рамками судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные в период с 1 января по 31 декабря 1994 г.³⁰⁰ Следовательно, и предусмотренные их Уставами предписания о выдаче или передаче обвиняемых международному трибуналу имеют обратную силу.

Напротив, Римский статут международного уголовного суда, не ограниченный в своей компетенции преступлениями, совершенными во время одного конфликта или одним режимом в течение конкретного периода, предусматривает, устанавливая *ratione temporis*, что данный Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу настоящего Статута. Если же какое-либо государство становится участником Статута после его вступления в силу, Суд может осуществлять свою юрисдикцию лишь в отношении преступлений, совершенных после даты вступления его в силу для этого государства (ст. 11). С указанной нормой корреспондирует ст. 24, запрещающая обратимость Статута. Поскольку в ней говорится, что лицо не подлежит уголовной ответственности в соответствии с настоящим Статутом за деяние, совершенное до его вступления в силу, постольку это лицо не подлежит и передаче учреждаемому данным Статутом Международному уголовному суду.

б) Соотношение с параллельно действующими соглашениями

В условиях одновременного институционального оформления экстрадиции на двусторонней, субрегиональной, региональной и глобальной основе особого внимания заслуживает вопрос о соотношении параллельно действующих соглашений разного уровня, который включает в себя два подвопроса: 1) соотношение экстрадиционных соглашений с другими антикриминальными конвенциями и 2) отношение между двусторонними и многосторонними экстрадиционными соглашениями, участники которых частично совпадают.

Относительно первого подвопроса следует заметить, что конвенции, посвященные противодействию отдельным видам международной преступности, не посягают обычно на права сторон осуществлять выдачу на условиях, предусмотренных внутренним законодательством запрашиваемого государства-участника или применимыми договорами о выдаче, включая

ловным делам. Например, Европейская конвенция о передаче осужденных лиц «применяется к исполнению по принятым приговорам до или после своего вступления в силу» (ст. 21). Типовой договор о передаче надзора за правонарушителями-иностранцами, которые были условно осуждены или условно освобождены, также предусматривает его применение к просьбам, направленным после его вступления в силу, «даже если соответствующие действия или бездействие имели место до этой даты» (ст. 15).

²⁹⁹ См. соответственно: Док. ООН S/25537 и S/25575.

³⁰⁰ Резолюции и решения Совета Безопасности за 1994 год. Совет Безопасности. Официальные отчеты: Сорок девятый год. ООН. Нью-Йорк, 1996.

основания, на которых запрашиваемое государство может отказать в выдаче. Обязательства сторон касаются лишь включения предусматриваемых данными конвенциями деяний в число влекущих выдачу преступлений во все экстрадиционные договоры, которые были или будут заключены между ними.

Вместе с тем, если участник конвенции, ставящий условием выдачи наличие соответствующего договора, получает просьбу о выдаче от другого государства-участника, с которым у него нет такого договора, он может рассматривать данную конвенцию в качестве правовой основы для выдачи в связи с любым преступлением, признанным в качестве такового в соответствии с настоящей конвенцией. Исходя из этого государства, обуславливающие выдачу наличием договора:

а) при сдаче на хранение своих ратификационных грамот либо документов о принятии или утверждении конвенции или присоединении к ней сообщают уполномоченному органу о том, будут ли они использовать настоящую конвенцию в качестве правового основания для сотрудничества по вопросам выдачи с другими ее участниками; или

б) если они не используют саму конвенцию в качестве правового основания для выдачи, стремятся, в надлежащих случаях, к заключению двусторонних и многосторонних договоров о выдаче с другими участвующими в ней государствами.³⁰¹

Изложенное позволяет сделать вывод, что в отличие от некоторых многосторонних экстрадиционных договоров, базирующихся на принципе приоритета над двусторонними соглашениями аналогичного характера, многосторонние соглашения о противодействии преступлениям международного характера либо не решают напрямую экстрадиционных вопросов, либо содержат нормы об экстрадиции, которые по отношению к специализированным экстрадиционным договорам носят дополнительный характер.

Что касается подвопроса о соотношении между двусторонними и многосторонними экстрадиционными соглашениями, то при отсутствии в них каких-либо оговорок на этот счет следует руководствоваться положениями ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров, в соответствии с которой права и обязанности государств-участников последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, определяются следующим образом:

1) если в договоре устанавливается, что он обусловлен предыдущим или последующим договором либо не должен считаться несовместимым с таковым, то преимущественную силу имеют положения этого другого договора;

2) если все участники последующего договора являются также участниками предыдущего договора, действие которого не прекращено или не приостановлено, предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора;

3) если не все участники последующего договора являются участниками предыдущего договора, в отношениях между государствами-участниками обоих договоров применяется то же правило, а взаимные права и обязательства в отношениях между государством-участником обоих договоров и государством-участником только одного договора регулирует тот договор, участниками которого являются оба государства.

Прагматический подход к разрешению возможных коллизий между постановлениями многостороннего и двусторонних договоров о выдаче, отражающий общую заинтересованность всех членов организации в быстрейшем отправлении правосудия, демонстрирует конвенция о выдаче Лиги арабских государств 1952 г. В ней говорится, что в случае коллидирования ее постановлений двусторонним экстрадиционным соглашениям государство призвано приме-

---

³⁰¹ См., напр.: п. 4, 5 и 17 ст. 16 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности; п. 1, 2 и 4 ст. 27 Европейской конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и др.

нять такие конкретные договорные положения, которые наилучшим образом будут содействовать обеспечению выдачи преступника.

Обоснованность такого подхода усматривается и в том, что некоторые многосторонние конвенции, посвященные противодействию отдельным видам международной преступности, также не посягают на права и обязательства сторон, вытекающие из двусторонних соглашений между ними, заключенных по тому же вопросу.

Например, Страсбургская конвенция 1990 г. об «отмывании», выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности предусматривает, что участвующие в ней стороны могут заключить между собой двусторонние или многосторонние соглашения по затрагиваемым ею вопросам в целях дополнения или усиления ее положений либо облегчения применения закрепленных в ней принципов. При этом, когда две или более сторон уже заключили договор по тому или иному вопросу, затрагиваемому настоящей Конвенцией, или иным образом урегулировали свои отношения по этому вопросу, они получают право применять этот договор либо регулировать свои отношения соответствующим образом вместо настоящей Конвенции, если это способствует международному сотрудничеству (ст. 39).

Европейская конвенция о передаче осужденных лиц также не ущемляет прав подписавших ее государств, предоставляя им возможность заключить между собой двустороннее или многостороннее соглашение по проблемам, регулируемым данной Конвенцией, с целью дополнения ее положений или лучшего применения содержащихся в ней руководящих принципов (п. 3 ст. 22). При этом устанавливается, что если две или несколько сторон уже заключили либо заключают соглашение или договор о передаче заключенных или если они установили либо установят другими способами взаимные связи в данной области, то они будут иметь право применять дух и букву такого договора или соглашения вместо настоящей Конвенции (п. 2 ст. 22).

Иначе решается вопрос в Европейской конвенции о выдаче, согласно которой она заменяет собой положения любых двусторонних договоров, конвенций или соглашений, регулирующих выдачу между ее участниками. Последние могут заключать между собой двусторонние или многосторонние соглашения только с целью дополнения Европейской конвенции или облегчения применения содержащихся в ней принципов (п. 1,2 ст. 28).

По мнению В. М. Волженкиной, данное предписание представляет собой «прямой диктат, нарушающий принцип суверенности и независимости договаривающихся сторон», означая для России и ряда других стран «прекращение международных отношений в уголовной сфере с суверенными государствами, с которыми уже установлены дружественные стабильные взаимообязывающие связи».³⁰²

Действительно, имеющиеся несовпадения (например, по вопросам гражданства) между Европейской конвенцией 1957 г. и двусторонними соглашениями России с другими ее участниками, а также с Минской конвенцией 1993 г. порождают определенные коллизии в регламентации экстрадиционных отношений. Означает ли это, что в ходе разрешения соответствующей коллизии Россия обязана исходить из безусловного приоритета Европейской конвенции в своих отношениях с теми нынешними ее участниками, с которыми она прежде осуществляла выдачу на основе ранее заключенных договоров и Минской конвенции?

Думается, нет, ибо в п. 3 ст. 28 Европейской конвенции о выдаче зафиксировано, что в тех случаях, когда между двумя или более договаривающимися сторонами выдача осуществляется на основе единообразных норм, стороны свободны регулировать свои взаимные отношения касательно выдачи исключительно в соответствии с такой системой независимо от положений настоящей Конвенции. При этом стороны, которые в своих взаимоотношениях исключают или могут в будущем исключить применение Конвенции в соответствии с указанным пунктом,

---

³⁰² Волженкина В. М. Выдача в российском уголовном процессе. С. 246–247.

должным образом уведомляет Генерального секретаря Совета Европы, который, в свою очередь, информирует об этом уведомлении другие договаривающиеся стороны.

Указанная оговорка о возможности прямого сотрудничества стран с унифицированным законодательством практически дезавуирует заявленное выше безусловное преимущество Европейской конвенции перед другими международными договорами ее участников. Предоставляемой этой оговоркой возможностью воспользовались Скандинавские страны (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция), применяющие при решении экстрадиционных вопросов свое единообразное законодательство. Согласно внутреннему законодательству решаются вопросы выдачи между Великобританией и Ирландией.

Настоящая оговорка позволяет и России беспрепятственно сотрудничать в сфере экстрадиции на основе Минской конвенции о правовой помощи 1993 г. с государствами, являющимися также участниками Европейской конвенции о выдаче.³⁰³ А к настоящему времени три государства – члена СНГ, участвующие в этом многостороннем договоре (Россия, Украина, Молдова), ратифицировали Европейскую конвенцию 1957 г.

В этой связи не вполне понятно утверждение Л. В. Иногамовой-Хегай о том, что приведенные выше положения ст. 28 Европейской конвенции о выдаче с момента вступления их в силу для государств – участников Минской конвенции о правовой помощи обязывают эти государства «применять положения Европейской конвенции».³⁰⁴ Видимо, автор исходит из того обстоятельства, что при рассмотрении вопроса об использовании Россией, Украиной и Молдовой своей специальной системы на основе Минской конвенции нельзя не учитывать некоторое несоответствие ее положений Европейской конвенции о выдаче. В частности, это касается судебного обжалования решения о выдаче лицом, в отношении которого оно было принято, так как Минская конвенция «не предусматривает такой механизм защиты прав лиц, подвергаемых экстрадиции».³⁰⁵

Однако это обстоятельство не может служить преградой к применению Минской конвенции в экстрадиционных отношениях между указанными странами, если в их внутреннем праве имеются нормы, обеспечивающие функционирование правозащитного механизма. В российском законодательстве таковой является ст. 463 УПК, предусматривающая обжалование решения о выдаче и судебную проверку его законности и обоснованности.

Поэтому участники Соглашения о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности от 11 октября 2000 г. с полным на то основанием зафиксировали в его ст. 15, что при производстве ареста, задержания и других процессуальных действий в отношении лиц, входящих в состав временно пребывающих на их территориях воинских формирований и обвиняемых в совершении преступлений, а также при оказании правовой помощи по такого рода делам стороны руководствуются национальным законодательством и Конвенцией о правовой помощи 1993 г.³⁰⁶

К слову сказать, государства – участники Минской конвенции продемонстрировали большую толерантность в вопросах ее соотношения с другими соглашениями, оговорив, что она не затрагивает положений других международных договоров, участниками которых стороны являются (ст. 82). Поэтому все вопросы, возникающие при применении настоящей Конвенции, решаются компетентными органами ее участников по взаимному согласованию (ст. 81).

Таким образом, образование на территории бывшего Советского Союза независимых государств, повлекшее за собой распад ранее единого правового пространства и целостной правосистемы, не только не снимает с повестки дня вопрос об унификации уголовного законо-

---

³⁰³ Там же. С. 248–249.

³⁰⁴ *Иногамова-Хегай Л. В.* Международное уголовное право. СПб., 2003. С. 123.

³⁰⁵ Там же. С. 124.

³⁰⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5.

дательства экссоюзных республик, а напротив, еще более актуализирует его. Факторами, обуславливающими необходимость более тесного взаимодействия их уголовно-правовых систем, служат:

а) расширение возможностей для «импорта» и «экспорта» преступности и вызванное этим увеличение транснациональной составляющей в общем массиве преступлений, так или иначе затрагивающих интересы государств СНГ;

б) формирование международных преступных сообществ и объединений преступников;

в) тенденция к образованию беспрецедентной по своим масштабам группы бипатридов и увеличение числа юрисдикционных проблем, связанных с состоянием двугражданства;

г) трансформация внутригосударственных (интерлокальных) юрисдикционных коллизий в межгосударственные (интернациональные), отсутствие единства в решении которых может привести как к появлению «мертвых зон» (безюрисдикционного состояния), так и к «двойной юрисдикции».

Борьба с преступностью – это часть системы коллективной безопасности и обеспечения защищенности человека. Понимание этого обстоятельства должно стать неременным фрагментом нового видения мира. К этому же подталкивает и потребность в совместных действиях против терроризма, наркобизнеса и т. п. Причем развитие необходимого для пресечения такого рода преступлений сотрудничества в рамках универсальных соглашений глобального характера не исключает, а скорее предполагает целесообразность объединения усилий на уровне региональных систем безопасности.

Во-первых, лозунг общемировой защиты звучит пока еще так же, как и лозунг мировых цен при отсутствии конвертируемости рубля и сравнимых по качеству с зарубежными отечественных товаров. Полнокровное вхождение даже в систему уголовно-правовой безопасности «Европейского дома» будет не скорым. Соответственно сотрудничество на европейском уровне не служит препятствием для объединения усилий на уровне евро-азиатской системы безопасности.

Во-вторых, весьма нежелательна такая дезинтеграция некогда единого государственно-правового образования, при которой неурегулированными остаются юрисдикционные проблемы, что может привести как к появлению «мертвых зон» (безюрисдикционного состояния), так и к «двойной юрисдикции». Ведь надо иметь в виду, что в нашей прошлой федерации существовала одна особенность, с которой нельзя не считаться в настоящем, а тем более пренебрегать ею в будущем: общество, объединявшее в себе сотни наций и народностей, сегментировано географически весьма условно, по границам, проведенным нередко произвольно, да к тому же еще и подвергавшимся неоднократному пересмотру в расчете на то, что в «нерушимом Союзе» они носят символический характер. Тогда этот передел протеста не вызывал, ибо речь шла о единой стране. Теперь же эти границы становятся все менее «прозрачными» и более осязаемыми. В конечном счете мы имеем этнические общности, которые очень тесно переплетены, буквально вклинены друг в друга. Так называемые «этнические меньшинства» в отдельных республиках составляют едва ли не половину населения, и напротив, добрая половина некоторых «коренных» национальностей проживает вне своей «исторической родины», что не может не вызвать увеличения числа юрисдикционных проблем, связанных с состоянием двугражданства, и, как следствие, – скоординированных усилий стран СНГ, направленных на достойное разрешение возникающих между ними юрисдикционных коллизий.

Определенную роль в обострении этих проблем могут сыграть и соображения престижа или политические амбиции. Если при этом преследуется еще и цель ущемить суверенитет либо сохранить влияние в бывших республиках, то положения закона, способствующие возникновению юрисдикционных конфликтов, противоречат международному праву. Вероятность возникновения подобных ситуаций и очевидная необходимость их предотвращения обрекают на

совместный поиск принципов разрешения возникающих юрисдикционных проблем и урегулирование их на межгосударственном уровне.

В-третьих, необходимость заключения региональных соглашений уголовно-правового характера предопределяется гарантийным значением наднационального законодательства в представлении интересов малочисленных народностей и национальных меньшинств, не имеющих возможности претендовать на собственное законотворчество. В частности, каждое государство в силу своего суверенитета обладает правом решать вопросы не только о наказании лиц, находящихся на его территории, но и о порядке исполнения наказания. Опираясь на международно-правовые акты общего характера, можно было бы в этой связи ограничиться выражением надежды на то, что развитие национальных законодательств стран СНГ будет отвечать такому документу, как Рекомендации в отношении обращения с заключенными-иностранцами. Однако, принимая во внимание многонациональный состав новообразованных государств, принадлежность их населения к некогда единому государству, шокирующий статус чужестранца или бипатрида, который приобрела определенная его часть в связи с распадом этого государства, обусловленные этим этнические подвиги и пр., представляется крайне насущным принятие минимальных стандартов обращения с заключенными, устанавливающих некий правовой уровень, ниже которого не должно опускаться законодательство любого государства Содружества. Во всяком случае, наличие Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых под эгидой ООН, не помешало тому же Европейскому Сообществу обзавестись собственными стандартами в этой области, учитывающими специфику европейских стран. Почему бы и бывшим советским республикам, а ныне самостоятельным государствам, не стандартизировать правила обращения с заключенными, ориентируясь на те минимальные условия, которые считает удовлетворительными ООН, и в то же время отразив в них особенности Евразийского Сообщества.

Целям такой стандартизации служат модельные законодательные акты уголовно-правового характера, под которыми в соответствии с Регламентом Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ понимается рекомендация законопроекта Ассамблеи национальным парламентам, принимаемая в целях согласования правовой политики и сближения законодательства и содержащая систематизированные нормы, регулирующие определенную сферу отношений. В сфере борьбы с преступностью к числу такого рода актов относятся: Модельный закон «О борьбе с организованной преступностью»,³⁰⁷ Модельный Уголовный кодекс,³⁰⁸ Модельный Уголовно-процессуальный кодекс, Модельный Уголовно-исполнительный кодекс³⁰⁹ и др.

В процессе работы над указанными законопроектами, призванными служить ориентирами для естественного дрейфа правовых систем стран СНГ в сторону унификации, обозначилось множество проблем, требующих теоретического осмысления и практического разрешения: поиск оптимальной степени детализации рекомендуемых нормопреписаний, определение возможных направлений и организационных форм их дальнейшего совершенствования, недостаточность моделирования как единственного унификационного инструмента и определение иных возможных средств повышения эффективности международного сотрудничества в уголовных делах.

³⁰⁷ См.: Михайлов В. И., Федоров А. В. Модельный закон СНГ «О борьбе с организованной преступностью»: содержание и структура // Государство и право. 1998. № 2.

³⁰⁸ Модельный Уголовный кодекс – рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств, принят на 7-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 года // Приложение к «Информационному бюллетеню» 1996. № 10. С. 85–213; Правоведение. 1995. № 6.

³⁰⁹ Модельный Уголовно-исполнительный кодекс – рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств, принятый на 8-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 2 ноября 1996 г. // Приложение к «Информационному бюллетеню» 1996. № 12.

Словом, современные реалии требуют новых форм и методов осуществления унификационного движения в области национальных законодательств участников СНГ. Поэтому нашим странам предстоит еще большая работа по выработке необходимого набора согласованных мер противодействия преступности и общих правил в сфере контроля за преступлениями с иностранным элементом, в связи с чем представляются неотложными:

1) разработка общей стратегии борьбы с преступностью как неотъемлемой части национальной безопасности и в то же время составляющей системы коллективной безопасности, обеспечивающей защищенность на региональном уровне человека любой национальности, под чьей бы юрисдикцией он ни находился;

2) подготовка пакета конвенционно оформленных договоренностей относительно преступлений, представляющих опасность для объединяющих страны и народы СНГ ценностей;

3) закрепление подходов и процедур, направленных на общеприемлемое разрешение коллизий законов и столкновения юрисдикций в отношении преступлений с «иностраным элементом», а также разрешение проблемы преюдициального значения приговоров, вынесенных судами государств СНГ;³¹⁰

4) внесение в национальное законодательство единых правил и механизмов реализации указанных форм сотрудничества;

5) организация совместных исследований сравнительно-правового характера в целях изучения реального состояния и тенденций унификации уголовного права, а также перспектив постоянного обновления Модельного УК, призванного стать депозитарием наиболее оптимальных и оправдавших себя на практике нормотворческих решений, которые также могут послужить некоторому нивелированию законодательств за счет взаимного обогащения позитивным опытом.³¹¹

Итак, у экссоюзных республик есть все основания для объединения усилий в сфере контроля за преступностью в духе происходящих в мировом сообществе перемен. Объективной основой такого сотрудничества является сочетание разделенности и взаимозависимости государств. Многонациональность населения Союза в целом и каждой из некогда составляющих его республик в отдельности, общность исторических судеб, относительно одинаковый уровень развития и сходство решаемых задач, стоящих перед странами СНГ, составляют ту устойчивую социально-демографическую (и криминологическую) среду, которая в каких-то вопросах, общих для нашего разноязычного и разноплеменного мира, позволяет найти единый правовой вектор, адекватный сложившимся политическим реалиям. Была бы только политическая воля к этому.

Ввиду необъятности исторического и геополитического контекста нашей евразийской цивилизации, трудно предугадать, возобладают ли объединительные тенденции и как они будут развиваться, но если представить палитру взаимосвязей между частями распавшегося Союза в ее основных красках, то в обозримом будущем на его месте будет, видимо, существо-

³¹⁰ В этих целях нами – участниками рабочей группы по написанию Модельного УК СНГ была включена в него ст. 16 под названием «Преюдициальное значение совершения преступления на территории другого государства – участника Содружества Независимых Государств» следующего содержания: «Судимость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления на территории одного из государств – участников Содружества Независимых Государств имеют уголовно-правовое значение для решения вопроса об уголовной ответственности этого лица за преступление, совершенное на территории другого государства, в соответствии с договорами между государствами – участниками Содружества Независимых Государств».

³¹¹ Указанные рекомендации по созданию регионального набора согласованных мер по контролю за преступностью предложены автором при подготовке проекта для международной научно-практической конференции «Проблемы унификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства в государствах СНГ» (Санкт-Петербург, 1995 г.), скрепленного постановлением Совета Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 19 октября 1995 г. (Информационный бюллетень МПА. 1995. № 9). См.: Рекомендации международной научно-практической конференции «Проблемы унификации уголовного и уголовно-процессуального законодательства в государствах СНГ» // Вестник Межпарламентской Ассамблеи. 1995. № 4 (11). С. 86–89.

вать (учитывая разную степень готовности стран Содружества к реинтеграции) трехъярусная система субъектов – это экономическое сообщество, куда войдет в той или иной форме большая часть республик, это более узкое сообщество конфедеративного или еще более слабого характера, и, наконец, это собственно республики федеративного или унитарного типа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.